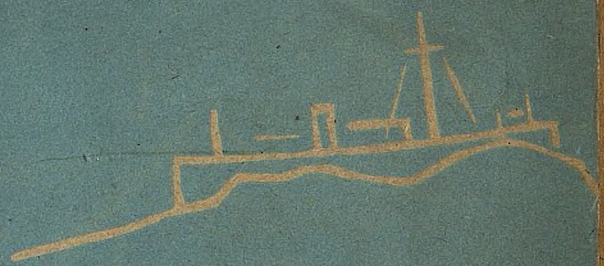
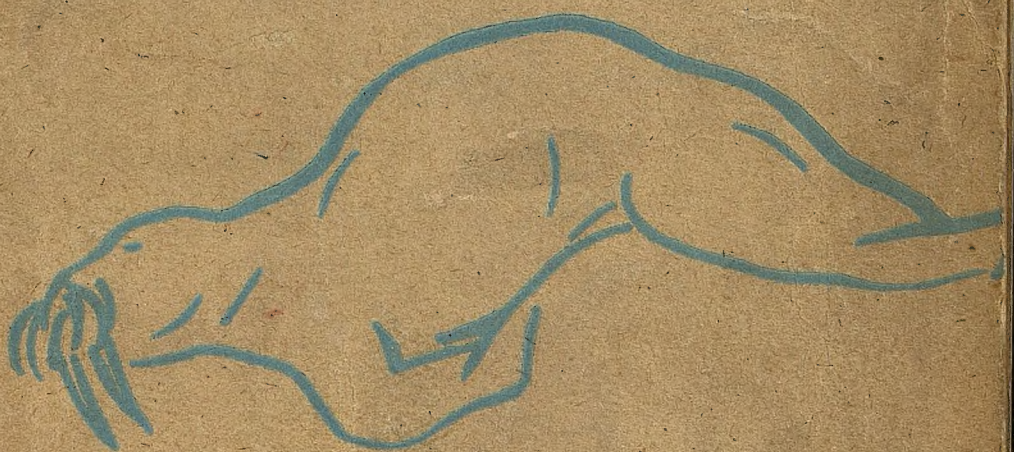
91(98)
Г874.

БОР. ГРОМОВ



ПОХОД СЕДОВА



МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

167599

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

лич. предыд. выдач

С 91 (38)
Г 824

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Б. ГРОМОВ

ПОХОД „СЕДОВА"

ЭКСПЕДИЦИЯ «СЕДОВА» НА ЗЕМЛЮ ФРАНЦА-ИОСИФА В 1929 ГОДУ

★

1948

162599

Про семерых смельчаков.
Про шторм, ледяную крепость и землю за ней.
Про тюленей, моржей и белых медведей.
Про бухту Тихую, которая оказывается далеко не тихой.
Про мировой рекорд на пути к полюсу.
Про то, как была открыта самая северная в мире радиостанция.

1966 г.
1955

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1930

Не выдавать
20 г.
2010

91(98)

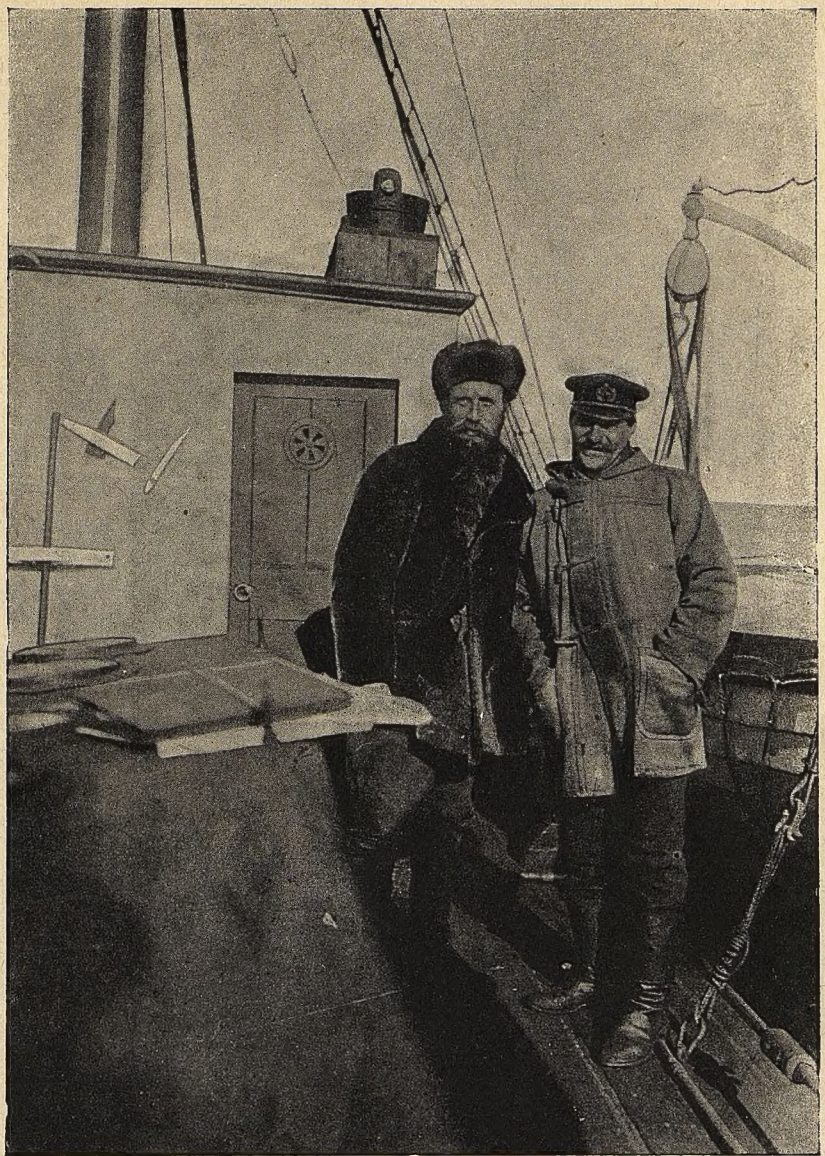
Тип. изд-ва «Дер Эмес»,
Москва, Покровка, 9.
Главлит А 58197
Тираж 10.100 экземпл.

2002

1995

2010

Нейтрализация
20 10 г.



Начальник экспедиции и правительственный комиссар архипелага О. Ю. Шмидт с капитаном ледокола «Седов» В. И. Ворониным.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА

К ЗЕМЛЕ ФРАНЦА ИОСИФА

Далеко, на крайнем севере, почти у самого полюса, в тысячах километров от города Архангельска, среди необозримых ледяных полей и торосов, в стране жестоких буранов и вечной стужи, расположены угрюмые, серые, неприветливые берега необитаемой Земли Франца Иосифа.

Вот уж много лет, как люди делают попытки добраться до этих берегов, чтобы их исследовать и изучить. Десятки отважных путешественников, рискуя своей жизнью, во имя науки, настойчиво, шаг за шагом, завоевывают Арктику.

Но редко-редко кому удавалось добраться до неприветливых берегов. Суровая полярная природа всегда ставила непреодолимые препятствия. Корабли, на которых плыли смелые путешественники, разбивало об лед или сковывало крепкими ледяными цепями, заставляя людей проводить тяжелую, полную лишений, а порою и голода, полярную зиму.

Но опасности и риск все же не останавливали энтузиастов-исследователей. Все чаще и чаще делались попытки пробраться к столь желанным берегам. И вот в середине прошлого столетия два австрийских полярных путешественника Пайер и Вайпрехт с огромным трудом и лишениями добрались до земли и назвали ее именем старого императора, никогда не имевшего никакого отношения к Арктике.

Но уже на обратном пути к материку их постигло несчастье. Коварные льды в щепы раздробили деревянный корабль, так что всему персоналу судна пришлось пешком, по бесконечным ледяным полям, пробираться к сибирскому

берегу. И они бы, наверное, погибли, еслиб случайно в ледяной пустыне их не обнаружил русский рыбак-помор Федор Воронин, который их спас и доставил в Архангельск.

Но и это несчастье, едва не стоившее жизни десяткам отважных мореплавателей, не остановило других исследователей Арктики.

Через много лет после австрийцев к Земле Франца Иосифа пробрались итальянцы, затем американцы, а в 1914 г. землю посетил русский полярный исследователь Георгий Седов, а вместе с ним и герой прошлогоднего похода ледокола «Малыгина», участвовавшего в поисках Нобиле, — профессор Владимир Юльевич Визе.

Что привлекает людей к Арктике? Чем манит отважных исследователей эта неприветливая, угрюмая страна?

На эти вопросы хорошо ответил крупнейший мировой полярный ученый Визе:

— Погода делается на севере, — заявил он, — зная какие изменения происходят в атмосфере арктических стран, нетрудно будет предсказать погоду и для СССР, ибо она в значительной степени зависит от состояния погоды на севере.

Проф. Визе рассказывает еще и другое: американцы, благодаря широкой сети хорошо налаженных метеорологических станций, следящих за погодой, ежегодно экономят 200 млн. рублей.

Для Советского Союза, страны сельскохозяйственной, изучение атмосферы поэтому является задачей первой важности. Ведь, если мы будем знать, что, например, в этом году лето будет холодное или засушливое, мы всегда сможем принять необходимые меры: засеять поля сухостойкими, не поддающимися засухе семенами и т. д.

Вот поэтому-то постановлением Совнаркома СССР в июле с. г. в Архангельске снаряжалась большая правительственая экспедиция на Землю Франца Иосифа.

Начальником экспедиции был назначен проф. Отто Юльевич Шмидт, а его помощниками — проф. Визе и командир ледокола «Красин» — проф. Самойлович.

82°16′
З. ФРАНЦА ИОСИФА
О. РУДОЛЬФА
О. КАРЛА АЛЕКСАНДРА
О. ДЖ. ЕКСОНА
О. ЗИЧИ
О. ВИЛЬЧЕКА
ЗЕМЛЯ АЛЕКСАНДРА
БРИТАНСКИЙ ПРОЛИВ
О. ГУКЕРА

В экспедицию взяли самых лучших, отборных и храбрых людей — опытных матросов, много лет плававших в полярных водах, лучших специалистов-кочегаров, машинистов и т. д. А капитаном выбрали старого морского волка Владимира Ивановича Воронина, дед которого когда-то спас австрийских полярных исследователей.

Сын беломорского помора Воронин еще крохотным мальчишкой с шести лет начал работать на судах. Свою мореходную карьеру он начал с зуйка, т. е. мальчишки, нацепляющего наживу при ловле огромной трески в Белом море. Много лет рыбачил на маленьких самодельных деревянных ботах, ежедневно подвергая свою жизнь опасности и капризам раз'яpившихся волн. Через некоторое время он получил повышение: стал коком — поваренком, приготовляющим пищу для остальной команды рыбаков. А потом, окончив специальные школы, перешел на паровые суда и, благодаря огромному опыту, а главное, знанию Белого моря, быстро достиг звания капитана. Воронин — один из немногих уцелевших при гибели парохода «Федор Чижов», потопленного в Ледовитом океане германской подводной лодкой.

В прошлом году Воронин, получив распоряжение отправиться на поиски Амундсена, пробрался к Земле Франца Иосифа и на корабле обогнул ее с запада на восток.

Если мы в этом году дошли до Земли Франца Иосифа, если мы преодолели тяжелые льды и густые туманы, то этим достижением мы всецело обязаны огромному опыту, находчивости и энергии Владимира Ивановича Воронина.

«СЕДОВ» ГОТОВИТСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ

Вот уже целую неделю в Архангельске грузится наш ледокол «Седов». Широкие, ненасытные пасти трюмов (нижних помещений ледокола) с жадностью проглатывают многочисленные ящики с консервами, продовольствием, мешки с мукой, бочки с керосином и чистенькие, терпко пахнущие доски и бревна.

Старший штурман Юрий Хлебников, лихо надвинув морскую фуражку с блестящим значком Совторгфлота на затылок, сосредоточенно делает перепись погружаемой клади. Мы сидим в уютной, опрятной, блещущей белоснежной скатертью кают-компании (столовой на ледоколе) и через маленький круглый иллюминатор (окошко) следим, как заканчивается погрузка кирпича из пригнездившихся к борту «Седова» шаланд (лодок). В открытую дверь каюты врывается вместе с ветром, грохотом под'емного крана скрип лебедки и окрики вымазанных и изодранных грузчиков.

— Вира, трави, — это значит, что груз уже можно опускать на дно широкого трюма.

Неприветливой, хмурой, дождливой погодой, мелким осенним дождем, пронизывающим насквозь холодом, встретил нас Архангельск. Широкая гладь северной красавицы Двины сильно взволнована под напором резкого ветра, дующего со страшной силой из открытого моря.

Несмотря на то, что сейчас наш ледокол стоит в реке, в 40 километрах от открытого моря, он слегка качается, волнуется под напором воды. Северная Двина разбушевалась. Тяжелые волны перекатываются на берег, обдавая мол и набережную фонтаном брызг. По реке, путаясь в волнах, взлетая с легкостью щепок на гребнях, зарываясь носом в пену, шныряют крошечные моторки — катера.

Вот сейчас проплыла лодочка с нелепым наименованием «Счетовод», вызвав ехидные улыбки наших матросов.

В этом году была суровая полярная зима. Поэтому северные путешествия будут проходить в очень тяжелых условиях. Вчера мы получили известия, что у берегов Мурманска появились громадные айсберги — ледяные горы, достигающие величины 2-3-этажного дома. Бюро погоды сообщает, что до сего времени льдом забита вся восточная часть Ледовитого океана. Видимо, много усилий придется приложить нашему ветерану «Седову», чтобы пробраться к Земле Франца Иосифа, к далекому кусочку Советского Союза.

Старые, насквозь просоленные морем старики-поморы, в непромокаемых зюйд-вестках (специальная морская одежда),

прожиренных брезентах и пудовых сапожищах, попыхивая наивонючейшим в мире табаком, с сомнением поглядывают на дымку затуманенного горизонта.

— Больно закат суров. Обязательно ветер должон быть. К тому же чайка пузом низко к воде ластится. А уж это — быть непогоде и шторму.

Но метеорология (наука о погоде) говорит другое. Жестокие штормы и северные ветры должны миновать. Впереди нас ждет сносная для океана погода.

Посмотрим, кто прав. Еще не совсем точная в области предсказаний метеорология или слезливый, выцветший глаз старика-помора, напиханного, как банка сардинок, вековыми дедовскими приметами и поверьями дикого севера.

Мимо нас ежечасно проходят в Архангельский порт иностранцы-лесовозы — немцы, норвежцы, англичане, шведы и даже греки. С берегов несутся запахи свежераспиленного леса, бесконечными лентами уложенного в огромные штабеля. Тут миллионы валюты. Тут то золото севера, которое даст молодой республике тракторы и машины.

СОБАКИ ВЫБИРАЮТ ВОЖАКА

На следующее утро на ледокол доставили собак — тринадцать остроносых, умных самоедских лаек, которых специально предназначили для упряжки в сани.

Замечательные псы. Они так заглядывают вам в глаза, как-будто хотят разгадать ваши мысли.

Первые два дня они старательно знакомились друг с другом — обнюхивались и лишь иногда сердито рычали. Но затем начались отчаянные драки. Шерсть кусками летела по ветру. Дрались свирепо, жестоко, причем на слабейших налетала вся стая, так что матросам то-и-дело приходилось спасать их от смерти.

Я несколько раз удивлялся, почему собак не рассадят по разным углам на цепи.

— Ничего, — заявили мне старые полярники, — подраться собакам необходимо. Ведь, сейчас они выясняют самый

Ледокол «Седов», затертый льдами.

Погрузка ледяного балласта в трюмы «Седова».

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. А. Добролюбова

важный для них вопрос — кто самый сильный. Сейчас должен определиться будущий вожак всей стаи. А вожак — это первый помощник человека, так сказать, его заместитель по собачьей команде. Без вожака ездовые собаки не представляют собой никакой ценности. Никакими силами их нельзя заставить работать. Они ленивы, плохо везут сани, дерзко крадут мясо и беспрерывно спят. А вот во время езды вожак сам будет следить за тем, чтобы все собаки, до одной, тянули сани, чтобы не было бездельников, не работающих, а только делающих вид, что работают. Ох, и здорово тогда достается лентяю. Во-первых, его во время самой езды тяпнет за бок или за шею вожак, а потом, когда собак распрягут, вся стая на него набросится и задаст здоровую взбучку.

В течение нескольких дней продолжались жестокие драки. И лишь перед самым выходом «Седова» в море определились двое наисильнейших — два черных здоровых, крепких пса — Мишка и Юшар. Первый — молодой, веселый, с хитрыми глазами, второй — старый, опытный, умный и очень ласковый.

Ну, думали мы, сейчас между ними начнется генеральное сражение. Но этого так и не случилось. Сверх ожидания собаки вдруг неожиданно почувствовали друг к другу большую симпатию и поделили первенство поровну. С тех пор их всегда можно было видеть вместе. Вместе обедали, вместе дрались, усмиряли собак и уж, конечно, заступались друг за друга.

Больше всех была встревожена отъездом, беспрерывной суетой и необычными криками маленькая трусливая Флорка. Она до такой степени разнервничалась, что целыми днями истерически выла на всю пристань. И ни ласки, ни угрозы не смогли приостановить этот неожиданный концерт.

Самым важным псом оказался питомец ленинградской школы розыскных собак — немецкая овчарка Грейф. Он, как барин, солидно расхаживал по пристани, сторонился от остальных собак, чем вызвал к себе, с первых же дней, страшную ненависть всей стаи. Дело дошло до того, что соба-

ки стали сами к нему придираться, и как Грейф ни старался позорно увильнуть от драки, все же ему пришлось вступить в свирепый бой и даже поплатиться передней лапой, на которой долгое время зияла большая разодранная рана. С тех пор Грейф стал еще мрачнее и, пристроившись к судовому повару, все время проводил у него на кухне. За это его собаки еще более возненавидели и много раз потом ему попадало за подхалимство.

СЕМЬ СМЕЛЬЧАКОВ

Начальник экспедиции Отто Юльевич Шмидт получил задание от правительства достигнуть Земли Франца Иосифа, построить там радиостанцию, метеорологическую станцию и оставить в ней жить семерых зимовщиков.

Семь смельчаков решились провести долгую полярную зиму вдали от семей, от культуры, вдали от родины, где клокочет, бурлит в бешеном темпе новая жизнь.

128 дней в полной темноте им придется провести среди жестоких морозов, буранов, вьюг, среди необ'ятной ледяной пустыни. 128 томительно жутких дней, отсчитываемых нудными часами, тянущихся до бесконечности, в полном бездействии и одиночестве. Лишь 24 февраля скользнет первый луч солнца, чтобы сейчас же спрятаться. Кругом, за тысячи километров, нельзя встретить живой души. Лишь пушистые медведи да безобразные моржи являются их соседями.

Минимум год смельчакам придется пробыть в Арктике. А кто знает, сумеет ли в будущем году ледокол пробраться за ними, чтобы отвезти обратно в СССР. Возможно, тяжелые льды превратятся в упругую ледяную крепость, которую не пробьет стальной нос ледокола, и тогда нашим героям предстоит вторично зимовать, вторично переносить одиночество и лишения.

Вот имена семерых смельчаков, имена, которые должен знать каждый гражданин республики:

Начальник Земли Франца Иосифа Илляшевич — старый полярник, два года зимовавший на Новой Земле, которая

расположена в Северном ледовитом океане. У Илляшевича однажды был ужасный случай, когда диким штормом снесло в море весь запас топлива, так что всю тяжелую полярную зиму ему пришлось провести в неимоверно тяжелых условиях.

В качестве метеоролога, человека, который будет следить за погодой, послали молодого ученого Ленинградской обсерватории — Шашковского, также зимовавшего на Новой Земле. Врачом поехал доктор Георгиевский, который в своем лице будет представлять самую северную коммунистическую ячейку в мире. Поваром поехал Знахарев, служителем при собаках — Алексин и механиком-мотористом для обслуживания радиодвигателя — Муров.

Особым почетом среди них пользуется наркомпочтель Земли Франца Иосифа — веселый, жизнерадостный радист Кренкель, также много раз проводивший зимовку на крайнем севере.

Это он будет в долгую полярную ночь, в маленькой комнатушке, у радиоаппарата жадно ловить обрывки новостей с далекой родины. Это он будет твердой рукой уверенно выстукивать загадочные «точки, тире», которые потом здесь в СССР превратятся в широкую информацию об их жизни, успехах и достижениях. Ведь, от этого человека зависит связь с родиной и семьями. В бесконечно длинную ночь он будет нащупывать Архангельск, Москву, устанавливая постоянный контакт с берегом.

Что заставляет людей на долгие месяцы бросить семью, уют, отрешиться от общественной жизни?

Юрий Шашковский ответил:

— Новичка манит Арктика своей северной природой, приключениями. А мы — люди, больные севером. Кто здесь хоть раз побывал, тот на всю жизнь заражен. Кончается зимовка, с трепетом ждешь возвращения домой, а уж через полгода тебя начинает болезненно тянуть обратно, туда, где пришлось перенести массу лишений, а порой и голод. Тяжела, трудна жизнь в Арктике. Но сознание, что вносишь свою скромную лепту в дело огромного культурного значе-

ния — бодрит, вселяет энергию и силу, заставляет смело смотреть в глаза будущему.

Советское правительство, отправляя семерых смельчаков на зимовку, вполне понятно, приняло все меры к предоставлению им максимальных удобств и возможного комфорта.

Мы погрузили на ледокол бревна для будущего вместительного дома на 13 комнат, лесоматериал для бани и кладовой. Зимовщикам передано 4000 томов различных книг, запас продовольствия, из расчета на три года, большое количество теплого белья, специальной полярной одежды, много игр, граммофон, балалайки, фотографические аппараты и т. д.

Словом, сделано все, чтобы как-нибудь скрасить долгую и нудную полярную ночь.

«СЕДОВ» ВЫШЕЛ В БЕЛОЕ МОРЕ

20 июля наш ледокол выходил в далекую полярную экспедицию на Землю Франца Иосифа.

Вылощенный, очищенный от ржавчины, ярко блестя медными частями, расцвеченный флагами, он гордо отшвартовался (отплыл) от набережной Архангельска, провожаемый тысячной толпой и оркестрами. С берега неслось «ура», с палубы матросы в последний раз махали платками и шапками, прощаясь с дорогими и близкими людьми.

Что ждет впереди? Вернемся ли обратно? Возможно, коварные льды затрут нашего гиганта, и тогда нам придется в больших лишениях провести полярную зиму.

Идем медленно. Северная Двина неглубока, ее дно изобилует большими отмелями. Проходим зверобойное судно «Альбатрос», с которого несутся подозрительные запахи испортившегося тюленьего жира, и белоснежную, изящную яхточку «Браганца», участвовавшую в прошлом году в поисках Нобиле, а теперь купленную нами у Норвегии.

Проходим Саламбалу — кусочек Голландии в миниатюре. Через весь большой остров течет мутная речонка — главная улица рабочего поселка, забитая шлюпками, плотами и парусниками. Здесь дома начинаются сразу со второго этажа,

так как весной, во время разлива Двины, вода поднимается на высоту в несколько метров. Юркие подвижные ребятишки целыми днями дрызгаются в мути, раз'езжают на самодельных лодчонках — словом, чувствуют себя на воде, как дома.

Мимо проходят последние строеньица, несколько крупных лесозаводов, ярко-зеленые островки, и, наконец, мы в Белом море.

У красно-бурого, вылинявшего от времени, пловучего маяка высадили лоцмана, который провожал ледокол по извилистой реке.

На верхнем мостике «Седова» появился общий любимец, один из лучших ледовых капитанов — Воронин. Широкоплечий, с добрыми, всегда веселыми глазами, как ловко он умел метким словом подбодрить начинавших унывать товарищей.

— Право, на борт! — несется с капитанского мостика.

— Есть! — быстро отвечает вахтенный штурман.

— Есть, право на борт! — долетает ответ из застекленного помещения рубки (помещение для управления рулем), где сухопарый матрос уже разворачивает тяжелое колесо штурвала.

Мы идем вдоль восточного берега Белого моря, вдоль зеленой ленты хвойных лесов, мимо небольших поморских рыбачьих деревушек. Но уже вскоре меняем направление и отходим к противоположному берегу — к Кольскому полуострову.

У Сосновицкого маяка пересекаем Полярный круг и выходим в Ледовитый океан. Исчезла неприветливая тундра безлюдного полуострова, белые пятна нерастаявшего прошлогоднего снега. Земли больше нет. Кругом — вода, вода...

Нас, участников экспедиции, расселяют по каютам. Свободных помещений на ледоколе мало. Поэтому большинство попадает в трюм, где из досок наскоро сколотили временные каюты. Перетаскиваем тяжелые чемоданы с пожитками, раскладываем вещи, словом, приготовляемся к большому и длительному путешествию.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА

— Товарищи, — заявляет нам боцман (старший матрос),— надо ждать шторма. Как только будут волны, сейчас же следует накрепко задраить (завинтить) иллюминаторы. Иначе вся каюта будет полна воды.

Большинство из нас — новички. Многие первый раз на море. Поэтому уже слово «шторм» начинает наводить панику. Бежим к капитану узнать, что нас ждет впереди.

— Да, ребятки, придется вам получить первое морское крещение, штормяга будет солидный. Ну, да не унывайте. Авось, ветер скоро окончится, и тогда мы пойдем по спокойной воде.

На палубе матросы поспешно закрывают брезентами люки, накрепко канатами завязывают бревна и бочки.

Ледокол приготовился к бою.

ПЕРВЫЙ ШТОРМ

Мы летим в открытом, бурливом океане. Тяжелые свинцовые облака свесились с неба. Широкие валы, огромные водяные горы неожиданно вырастают перед носом судна. Ледокол то зарывается в белоснежную пену, то тяжело взлетает высоко вверх. Весь горизонт заполнен отвесными грядами волн, с блестящими барашками на гребнях.

Вы представляете себе, что такое шторм в море?

Ну, прежде всего, надо вам сказать, что вы оказываетесь совершенно беспомощными, чувствуете, что бороться со стихией нет сил и что ничего лучшего не остается, как положиться на «волю волн».

Покорно, безропотно, с каким-то отупением переносите вы приступы морской болезни, причем все рекомендованные вам на берегу «патентованные» средства, как-то: лимон, сельтерская вода, оказываются не в состоянии помочь вашему горю. Человек пьянеет, хотя он, может быть, и ярый враг алкоголя. Шатаясь, ударяясь о перегородки, теряя равновесие, нескладно ковыляя ногами, которые вдруг неожиданно одеревянели, пробираетесь по длинным коридорам к каюте, чтобы немедленно лечь на койку, обвязать себя для крепости веревкой и попробовать задремать.

Но ваша хитрость напрасна. С тяжелым вздохом пароход вдруг ложится набок, маленький иллюминатор оказывается погруженным в бледно-изумрудную воду, и вы с ужасом наблюдаете бешеный танец чемоданов, тарелок, ваших сапог, с остервенением летающих по грязному, мокрому полу.

А в это время с палубы несется пронзительный концерт 13 ездовых лаек, взятых для нужд будущей колонии: их заливают раз'яренные волны.

Бедные умные псы, мокрые, дрожащие от холодного, пронизывающего ветра, они так жалобно заглядывают вам в глаза с просьбой немедленно прекратить этот неожиданный ледяной душ.

Но что я могу сделать? Я сам моментально промокаю до нитки и позорно бегу спастись за крепкую дверь кают-компании.

Маленькая крестьянская лошаденка, волею событий оторванная от сохи и попавшая на ледокол, с перекосившимися от ужаса безумными глазами глядит на гигантские водяные горы, врывающиеся на палубу. Только пять коров — будущее свежее мясо колонии — слишком глупы, чтобы осознать события. Втиснутые в узкий загон, меланхолично, с какой-то упорной тупостью они продолжают пережевывать сено.

Все, как мыши, трусливо попрятались по своим конурам. Только спокойные, «видавшие виды» матросы, ловко лавируя меж закрепленных ящиков и бочек, неслышно скользят по палубе, с обезьяньей ловкостью карабкаются в паутине снастей да маленький неугомонный «торопыга» оператор Новицкий, растопырившись у своего аппарата «Эклер», в исступлении вертит ручку кино.

— Смотри! Совершенно исключительные кадры, — радостно-возбужденно кричит он мне.—В Москве на просмотре вся публика заболеет морской болезнью.

Нас штормило два дня. Два дня пассажиры не показывались за общим столом, на радость старшему механику, старику Шиповальникову, который в эти дни чувствовал особенный прилив аппетита и поедал обеды за троих.

А потом вдруг волны утихли. Яркими лучами брызнуло солнце, и в океане наступил штиль. Но погода на севере меняется с быстротой киноленты. Уже на следующий день мы попали в полосу густого тумана. Мороз. Трудно представить, что в данную минуту в Москве тепло, возможно — жара. С полюса дует сильный сквозняк, словно, забыли закрыть гигантскую форточку.

В ЛЕДЯНОЙ КРЕПОСТИ

— Скоро достигнем кромки. — авторитетно заявил капитан. — Холод и туманы — верные предвестники льда.

И правда. Уже к вечеру, переливаясь зеленовато-голубой окраской, мимо нас пронеслись огромные ледяные крепости—айсберги. А на рассвете Воронин обнаружил и долгожданную кромку.

Сначала на горизонте появились мелкие льдинки, потом «Седов» вошел в разрозненный лед, который, по мере продвижения к северу, становился все плотнее и плотнее. К 10 часам вечера продвигаться вперед уже стало затруднительно. Перед ледоколом появились огромные ледяные поля с темными прорехами — полыньями. Под напором стального тарана — носа ледокола — лед дает длинные, извилистые трещины; гигантские блестящие глыбы с шумом переворачиваются в бурном водовороте. С каждым шагом продвигаться к северу становится все труднее.

А тут еще на горе — сильный ветер сдвинул вплотную отдельные льдины. Разрозненные глыбы сковало в одно сплошное поле, упругое и твердое.

Вот тут-то ледоколу и пришлось продемонстрировать свои качества. Отойдет он назад и со всей силой бросается на лед так, что конец его носа вылезает на поверхность льда. Тогда под тяжестью ледокола льды дробятся в куски, и образуется небольшое пространство свободной воды. Опять отходит ледокол назад и опять бросается на льды и так — до бесконечности. Продвигается почти шагом, настойчиво проникая на север.

Но вскоре и это становится бесполезным. Кругом нас — сплошная ледяная крепость. Толщина льда доходит до 3-4 метров. Итти вперед — бесполезно. Мы встали перед задачей искать другой, более удобный проход к Земле Франца Иосифа.

Тогда-то капитан и предложил сделать попытку прорваться в другом направлении. Мы повернули немного в сторону — носом на восток. Этот маневр оказался исключительно удачным. Прежде всего, как и предсказывал Воронин, мы встретили более разреженный лед с частыми широкими разводьями, хотя нагромождения ледяных глыб-торосов стали крупнее и заходили выше наших маленьких иллюминаторов. Но в этих условиях «Седов» еще мог работать. Хоть и медленно, но неуклонно мы продвигались вперед.

С первого же дня, как только мы вошли в лед, к нашей экспедиции присоединились неожиданные спутники: целые стаи белоснежных серебряных чаек сопровождали ледокол в ледяной пустыне. Они легко кружились вокруг судна, низко, едва не зацепляя концами крыльев, планировали над водой или вдруг стремительно, камнем, плюхались в волны, выскакивая с маленькой, извивающейся рыбешкой во рту. Оказывается, наш ледокол им неожиданно приготовлял хороший и вкусный стол. Из-под льда, который дробил ледокол, на поверхность воды, в страшном смятении и испуге, стайками выскакивала рыбешка, которую ловко подхватывали настороживщиеся чайки. Через несколько дней появились мрачные и угрюмые глупыши-буревестники — солидные серые птицы, с исключительно красивым полетом. В противоположность крикливым чайкам, они молча летали вокруг, хищными желтыми глазами выискивая в зеленой воде едва заметные силуэты добычи.

Ужасный треск и грохот, когда ледокол проламывает лед. Тяжелые глыбы с шумом ударяются в железные бока судна, поднимая целый водоворот воды и пены.

Воронин нервничает. Днем и ночью он бессменно на своем посту. Всегда его можно найти наверху, вымеряющим квадрат капитанского мостика.

Скоро земля. Там, далеко, за густой серой вуалью тумана, должен быть желанный берег. Это мы прекрасно знаем, об этом заявляет компас и настойчиво твердят сложные измерительные приборы, по солнцу определяющие местоположение ледокола.

Напрягаются, нервной дрожью трясутся машины, со свистом и вздохами шаркают тяжелые поршни. Напрягаются и люди. Обжигаясь в волнах огня где-то на дне трюмов, в дыму и пыли, копошатся полуголые тела, без перерыва подбрасывающие в прожорливые, ненасытные пасти топок лучший кардифский уголь.

Надо дойти до земли — острым лезвием врезалась эта мысль в сознание всего коллектива, каждого участника экспедиции—от измазанного матроса до спокойного, голубоглазого капитана.

ЗЕМЛЯ, ЗЕМЛЯ...

Сегодня с утра капитан растопырился у огромной сорокакратной цейсовской пушки — бинокля, который установлен на самом верхнем мостике. Его опытный глаз помора, с детства привыкший к разливам тумана, уже давно нащупал еще неясную мелькающую точку.

— Земля! Впереди земля!

Маленький, насквозь пропитанный угольной пылью чумазый кочегар, сверкая белизной оскала, нервно тычет пальцем в туманную даль. С быстротой радиоискры по маленьким клеткам кают пронеслась радостная весть. Черные от сажи, наспех накинув тужурки, повыскакали участники экспедиции наверх. Идут оживленные толки, в каком направлении находится этот давно желанный осколок материка.

Внезапно длинный луч тусклого, негреющего солнца стрельнул по туману, и медленно, словно нехотя, раздвинулся тяжелый занавес. Где-то вдали, у самого горизонта, за острыми изломами торосов и широкими разводьями полыней, наметилась извилистая черная полоска, по мере прояснения влажного водуха принимавшая форму крутых об-

рывистых гор, с большими пятнами снега и сверкающим руслом ледника-глетчера.

Где мы находимся? Что это за остров?

Капитан хмурится и молчит: сейчас сказать этого нельзя. Ибо так же внезапно, как появилось, пропало светило. А на море определить свое местоположение можно только по солнцу. Нет солнца — и плыви в неизвестности.

Свежее морозное утро встречает нас радостной вестью. Мы достигли архипелага Земли Франца Иосифа и находимся на 80° северной широты, у острова Гукера.

Медленно, ощупью, ежеминутно промеряя глубину, приближается «Седов» к берегу. Дальше итти нельзя, ибо дно неизвестно, и мы рискуем сесть на мель. С грохотом ползет вниз ржавая змея якорной цепи. Сверху в машинное отделение летит распоряжение: «стоп». Ледокол остановился.

О. Ю. Шмидт выбирает команду, которая на шлюпках поедет на берег. Со скрипом спускаются в воду вместительные морские боты, а за ними по узкому шторм-трапу (веревочной лестнице) участники экспедиции.

— Раз, два, дружно! — тяжелые весла ловко врезаются в волны, и окрыленная лодка, прыгая на гребнях, медленно пробирается к берегу.

ФЛАГ СОВЕТОВ НА СЕВЕРЕ

Вот и земля. Ноги, привыкшие к качке, уже усвоившие своеобразную растопыренную и ковыляющую походку, с радостью ощущают твердую опору.

Надо несколько суток быть в океане, надо пережить шторм, качку, надо болезненно, ежеминутно знать, хотеть землю, чтобы почувствовать всю радость вступления на берег. Суетливый оператор Новицкий не выдерживает, прыгает в воду, чтобы успеть заснять прибытие правительственной экспедиции на остров.

Суровый полярный север предстал в своей неприветливой, скудной яркими красками красоте. Седой туман густыми хлопьями висит на выветренных выступах тысячелетних гор, в ложбинах и уступах которых смелыми мазками вкраплены

блестящие пятна искрящегося миллионами солнечных брызг снега. Огромная ледяная река — глетчер — закинула свои устья к самому океану, волны которого с упорной настойчивостью размывают вековую толщу, подготовляя будущие ледяные крепости —айсберги.

У подножья отвесного ската — дикий хаос из камней и обломков скал, гигантской рукой разбросанных по всему отлогому побережью. Мертвая тишина. После стуков машин, грохота цепей она кажется особенно подчеркнутой. Лишь беспокойная чайка, встревоженная неожиданным визитом, с истерическими криками вьется над лодкой, да с ледников, весело журча, несут свои прозрачные кристаллические воды звонкие весенние ручьи.

Цветы — здесь в царстве стужи, в стране буранов и великого холода — нежные, лимонно-желтые бутоны, целые полянки желтых венчиков, скромно приютившихся к подножьям скал на фоне дикой, неприветливой природы. Этот резкий контраст воистину производит ошеломляющее впечатление.

Быстро обходим побережье в поисках подходящего места, обнаруживаем поляны темно-красного водянистого моха и массу выброшенных на берег полусгнивших желтых водорослей.

Проф. Самойлович и географ Иванов не теряют времени даром. С молотками в руках они взбираются на крутые отвесные скалы, отбивают кусочки камней и бережно укладывают в заплечные мешки.

— Это очень редкие экспонаты, — говорит мне Самойлович, — ведь, о строении Земли Франца Иосифа у нас почти ничего неизвестно.

А между тем, капитан уже волнуется, нервно поглядывает на горизонт, на завуаленный дымкой тумана ледокол, по случаю торжественного дня разукрашенный флагами. Надо торопиться. Коварный ветер, сдвигая льды, готовит очередную ловушку.

В 13 час. 30 мин. на огромном холме, господствующем над окружающей местностью, состоялось торжество — один

из красивейших моментов экспедиции. Вокруг флагштока, обнажив головы, выстроились представители далекого Союза, с огромным напряжением и волей, сквозь туманы и вьюги, доставившие красное знамя Советской республики.

Четко, отрывисто бросает Шмидт в воздух исторические слова: «В силу данных мне полномочий, об'являю Землю Франца Иосифа территорией СССР», слова, покрываемые залпом салюта и восторженными криками «ура».

Взлетев на конец мачты пышным алым бутоном, распускается знамя великого Союза. Земля Франца Иосифа, ожидающая другого, понятного, близкого каждому пролетарию наименования, стала нашей.

Надо сказать, что тот флаг, который мы так торжественно подняли на острове Гукера, имеет свою, чрезвычайно любопытную историю. В Ленинграде, на вокзале, перед от'ездом Самойловича в Архангельск, к нему подошла неизвестная женщина и просила принять от нее белый пакет. На вопрос Самойловича, что в этом пакете, женщина ответила просьбой вскрыть его лишь тогда, когда поезд отойдет от станции. Оказалось, что это было знамя — большой красный стяг, с вышитой надписью: «Скромный вклад неизвестной женщины в великое дело».

Но оставлять полотняный флаг на острове, подвергать его жестоким бурям и вьюгам мы, конечно, не могли. Тотчас же после торжества под'ема, мы заменили его толстым железным знаменем, которое не испугается диких ветров. А для большей уверенности завалили толстое железное древко огромными камнями, булыжниками, в изобилии валявшимися у подножья холма.

Остров Гукера открыл в 1879 г. голландец де-Брюйне, но подробно исследовал и впервые обошел кругом в 1904 г. проф. Визе. Вообще Визе прекрасно ориентируется в здешних местах. Многие острова у него связаны с интереснейшими воспоминаниями и событиями, свидетелем которых он был во время своего исключительного по трудности полярного рейса с исследователем Георгием Седовым.

Так, например, он дал наименование острову Мертвого Тюленя за то, что, впервые вступив на этот мрачный берег, он у самой воды обнаружил труп израненного и издохшего морского зверя.

Большой мыс был назван Медвежьим за следующее интересное событие. Однажды проф. Визе, занимаясь топографией, так увлекся, что не заметил, как очутился с глазу на глаз с огромным белым медведем, который незаметно подкрался к нему на расстоянии двух метров и уже раскрыл пасть, приготовившись к прыжку. Хотя Визе случайно был вооружен лишь крохотным мелкокалиберным револьвером, он все же не растерялся и всадил ему под ряд три пули в шею. Звук выстрелов больше, чем незначительные раны, напугал медведя, заставив владыку севера позорно бежать. В память этой встречи, едва не стоившей жизни одному из лучших наших ученых полярников, мыс и был назван Медвежьим.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГОСТИНИЦА — МЫС ФЛОРА

Мы снова в пути. Но теперь уж не в открытом, бурливом океане, а среди мелких, разбросанных в беспорядке островков и заливов. День и ночь упорно подыскиваем подходящее место для постройки самой северной в мире колонии и радиостанции.

Мы находимся невдалеке от мыса Флора. Видно, какой-то шутник дал этим мрачным берегам это красивое название, говорящее о тепле или, во всяком случае, о зелени.

Как не зайти в «международную гостиницу», когда все путешественники, достигавшие Земли Франца Иосифа, считали своей обязанностью посетить мыс Флора.

Ближе 6 километров к берегу подойти «Седову» не удалось. Организуем санную экспедицию. По распоряжению проф. Шмидта, в тяжелый опасный путь приготовляются 6 участников экспедиции: он сам, капитан Воронин, профессора Самойлович и Визе, зимовщик Илляшевич и я. Шумливая ватага матросов взялась проводить нас до первой огром-

ной полыньи, чтобы помочь протащить тяжелую лодку по рыхлому снегу и отвесным торосам.

Тяжелый изнурительный путь от ледокола к земле мы прошли в течение целых четырех часов. Шли, утопая в рыхлой крупе снега, проваливаясь в полыньи, лазая через высокие нагромождения льда, переправляясь на лодке по разводьям и таща ее на руках по ледяным полям.

Распрощались с матросами и поплыли по широкому разводью в спокойной голубой воде. Огромные стаи местных птиц, кайр, безбоязненно подплывают к лодке, лезут под самые весла, с любопытством оглядывая невиданных гостей. Самойлович пользуется моментом, быстро щелкает изящным маленьким фотоаппаратам «Лейкой» (последняя заграничная новинка), успевая заснять великолепные и редкие кадры.

Опять вылезаем на лед, опять тащим лодку, но уж теперь одни, вшестером, без помощи матросов. Особенно трудно было переправлять массивный железный флаг на высокий крутой берег мыса, усыпанного огромной величины камнями, базальтами, вулканического происхождения.

Потные, мокрые, окончательно обессилевшие, едва взбираемся на гору и вступаем на мокрую болотистую землю.

С отвесных дряхлых скал несется дикая какофония, целый джазбанд миллионного птичьего оркестра. Это — громадный, так называемый, птичий базар. Даже странно, что эти птицы, кажущиеся снизу маленькими, изящными стрекозами, могут производить такой ужасающий шум.

Обходим берег и наталкиваемся на две полуразвалившиеся постройки. Визе нам разъясняет:

«В 1896 г. на мысе Флора произошла историческая встреча зимовавшего в этих местах известного английского путешественника Джексона с норвежцем Нансеном и его спутником Иогансеном. От дома, в котором жил Джексон, сейчас остались лишь полусгнившие доски пола. Дело в том, что в 1914 г. неудачная русская экспедиция Георгия Седова, прозимовав на острове Гукера, пробиралась к родным берегам, не имея ни килограмма топлива. Котлы машин согревали

лишь тем, что добывали охотой. Всю дорогу шли на тюленьем и моржовом сале и остатках деревянных перегородок, разобранных кают парохода. И вот, добравшись до мыса Флора и обнаружив вместительный дом, они разобрали его на топливо, благодаря чему и сумели дойти до Архангельска.

Под деревянным фундаментом разрушенного дома Джексона нашу группу встретил подозрительным тявканьем молодой песец. Как ни старались мы его оттуда выкурить— это так и не удалось. Хитрый звереныш понимал всю прочность своего положения и не вылезал на свет.

Недалеко от этого места мы нашли две полуразвалившиеся постройки — досчатую хижину, сооруженную в 1904 г. американской экспедицией Фиала и хрупкое строеньице из досок и ящиков, построенное Георгием Седовым. Повсюду разбросаны проржавевшие банки английских консервов, сорванные с петель двери, обрывки крыши, много железных, от времени окончательно испортившихся предметов, банок галет, а также большое количество рассыпанного на земле чая и кофе.

Впечатление от осмотра мыса Флора таково, что продовольственный и вещевой склад, оставленный в 1914 г. русским судном «Герта», кем-то расхищен, так что терпящие бедствия суда, не найдут здесь никакого убежища и продуктов первой необходимости.

— Вот, — заявил Шмидт, — разгром русского склада неизвестными иностранными промышленниками подтверждает еще большую необходимость установления над архипелагом Земли Франца Иосифа государственного суверенитета СССР с целью охраны нашей территории.

И правда, более безобразного отношения к чужому имуществу трудно себе представить. Двери у домов сорваны с петель. На земле валяются обрывки крыши, окна выбиты, доски растасканы. Кто тут хозяйничал, кто так безобразно обращался с чужим имуществом — неизвестно.

В три часа дня мы подняли флаг Союза республик взамен водруженного в 1914 г. флага Российской империи.

Первая высадка на землю Франца Иосифа на шлюпке мимо стоящих на мели айсбергов.

Южная оконечность о. Гукера. Торжественное водружение первого советского флага на земле Франца Иосифа.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. В. А. Добролюбова

Неожиданно Илляшевич обнаружил вдали от построек мрачный памятник из серого гранита трем погибшим итальянским матросам с яхты «Стэлла Полярэ». В оцинкованном пенале памятника нашли полуистлевшие письма всех бывших на острове путешественников, в том числе приезжавших в последние годы американцев, итальянцев, испанцев и т. д. Какой-то американский полковник горделиво расписался в том, что он убил восемь медведей, а изящная американка мисс Бойд, прогуливавшаяся здесь в прошлом году на паруснике «Хобби», заверила в том, «что ничего прекраснее нигде не встречала».

Подписавшись, и мы вложили в пенал записку со следующей надписью: «Всегда будем чтить память героев Арктики».

Осмотр острова окончен. Как приятно сесть на обломок скалы, протянуть уставшие ноги и с жадностью уничтожать застывшие консервы, прихлебывая красным терпким вином. Мы так увлеклись чревоугодием, что не обратили внимания на огромного белого медведя, здешнего хозяина острова, который подошел к нам на расстояние 40-50 шагов и остановился, разглядывая невиданных зверей.

Мы так растерялись от неожиданной встречи, что не сразу сообразили взяться за винтовки, а сделали это лишь тогда, когда хозяин повернул к нам свой толстый широкий зад и рысью побежал назад, к крутому, обрывистому берегу. Мы сделали несколько выстрелов, попали в медведя, повидимому, сильно ранили, ибо белая шкура быстро окрасилась широкой алой полосой.

Собственно говоря, и стрелять бы в него не следовало. Ведь, все равно, тяжелую шкуру нам бы не дотащить до ледокола. Но охотничий азарт так увлек всех, что остановиться не было сил.

ОХОТА НА МОРЖА

Капитан опять беспокоится. Кажется, всегда, каждую минуту ему есть о чем беспокоиться. Сейчас он, например, заявляет о том, что ветер ему не нравится, что он дует так, как нам это совсем нежелательно. Льды надвигаются на

ледокол, и ему придется поспешно удирать в открытое море.

Создается тревожная минута, надо скорее покидать землю и возвращаться обратно. Опять прыгаем в лодку, опять лавируем меж ледяных островков и плывем извилистым путем по широким разводьям.

— Морж! — радостно вскрикнул Воронин, указывая на темнеющее вдали пятно.

Тихо крадемся к маленькой льдине, на которой расположилось чудовище. Стараемся тише разговаривать, бесшумно грести. А между тем, наши старания напрасны. Морж сразу же почувствовал наше приближение, но он был слишком ленив и слишком уверен в себе, чтобы обратить внимание на такую мелочь, как наши персоны. Он медленно поднял голову, взглянул на нас узенькими, заплывшими глазками, тихо покачал головой и... опять лег спать.

Мы вылезли на соседнюю льдину, ползком пробираясь поближе к животному. И опять морж проснулся. И опять, лениво взглянул на нас, и опять лег спать.

На расстояние менее 20 шагов мы подошли к нему. Спокойно легли на снег, укрепили винтовки на ледяных подставках и спокойно нацелились.

Морж — это какое-то доисторическое, допотопное чудовище.

Вы представьте себе тонну жира, облеченную в толстейшую рыжую меховую шубу, исколотую и израненную чьими-то клыками. Круглый, голый череп нависает на маленькие глаза, за которыми следуют черные точки ноздрей, отвратительные колючие, длинные усы и два белоснежных крепких бивня. Толстые складки жира полосами расчертили меховую шубу. Плавники, которыми он так быстро и ловко работает в воде, беспомощно упали на лед.

Самое интересное это то, что такое на вид страшное животное, — совершенно безобидно. И питается-то оно не мясом, не рыбой, а каким-то особым видом моллюсков (животные, живущие в ракушках). Если опасен морж, так это только в воде. Тут неповоротливое, неуклюжее животное

превращается в ловкого зверя, прекрасно владеющего своим телом, хорошо плавающего и ныряющего. Особенно опасна встреча с моржом на лодках. В этих случаях он почему-то заигрывает с легонькой шлюпкой, крутится вокруг нее, поднимает бешеные волны, целый водоворот воды, все время стараясь или опрокинуть ее или же пробить острыми, крепкими, как сталь, бивнями. На льду же морж — огромный неповоротливый кусок мяса и жира.

— Раз-два-три, — шопотом считаем про себя, потом что-то вскрикиваем, животное быстро поднимает голову, и тотчас же три метких пули вонзаются ему в шею.

Наши выстрелы оказались смертельными. Алой струей брызнул фонтан крови, голова зверя как-то сразу устало поникла, несколько раз шевельнулись плавники, в конвульсиях дрогнуло тело, и... прекратились движения. Морж был убит.

Осторожно, опасаясь, что он еще не издох, мы подошли к нему, но сейчас же убедились, что жизнь этого чудовища прекратилась.

Что делать с такой тушей мяса и жира? В нашу лодку она не поместится, а снять шкуру мы не умеем, ибо это очень сложная и кропотливая работа, требующая большой сноровки. Тогда решаем разделиться на две партии. Шмидт и я остаемся на небольшой пловучей льдине, где в луже крови плавает туша, а остальные отправляются за помощью. Вскоре лодка скрылась за торосами, и мы остались одни, у теплой, даже горячей туши, несомой льдами к темному отверстию полыньи.

Сидим час, другой, стало холодно. Особенно замерзают пальцы на ногах, да и сидеть на ледяных глыбах снега не так-то уж приятно. Но вскоре мы выходим из положения — пересаживаемся на горячую тушу и как бы немного оттаиваем. Поднявшийся ветер старательно выгоняет льдину к середине полыньи, а она настолько мала и до такой степени промокла теплой кровью, что вот-вот, кажется, развалится.

— Ну, — смеется Шмидт, — как бы не пришлось нам с вами принять холодную полярную ванну.

Часа через три прибыла группа матросов. Быстро, не теряя времени, обнажили кинжалы, с трудом перевернули огромную тушу на спину и начали разрезать кожу с живота. Надо сказать, что моржовая кожа весьма ценится в промышленности. Из нее вырабатывают самые толстые и самые крепкие приводные ремни.

Прежде чем разрезать кожу животного, матросам несколько раз пришлось точить ножи. Словно от камня, стальные лезвия быстро тупели.

— Ну, и чорт! — смеются матросы. — Воистину, толстокожий.

Медленно врезались ножи в моржовую шкуру. Медленно, кропотливо отделялась кожа от огромного слоя жира. И лишь через несколько часов с животного сняли теплую шубу.

— Мы сделаем блестящий подарок Ленинградскому институту по изучению севера, — говорит Шмидт: — чучело моржа весьма редко можно видеть в европейских музеях.

Погрузив шкуру на лодку, выехали на открытую водную поверхность и, взяв направление на едва видимый впереди, почти затерявшийся в тумане ледокол, поплыли вперед.

Близко к «Седову» подойти не удалось. Нашу лодочку от него отделяло огромное ледяное, торосистое поле. На конце полыньи нас ожидали товарищи с ледокола, уже прослышавшие о блестящей охоте. Мы доверили им шкуру, попросив немедленно доставить ее на судно, а сами, усталые, проведшие целые сутки без сна, окончательно выбившиеся из сил, пошли вперед.

В теплой уютной кают-компании нас долго поздравляли, пожимали руки, заявляя, что наш трофей является блестящим экземпляром, что в этих водах моржа уже трудно встретить, ибо иностранные зверопромышленники варварски его истребляют.

БУХТА ТИХАЯ

Снова в пути, снова наш стальной таран дробит и крошит льды, пробираясь по узеньким проливам меж чернеющих пятен островов.

Ночью проходим Британский канал — широкую улицу, целый проспект среди маленьких переулочков-заливов.

По совету проф. Визе заходим в бухту Тихая, где, по его мнению, наиболее удобно построить радиостанцию.

С трех сторон бухта закрыта высокими горными кряжами. Огромная скала Рубини Рок, переливаясь причудливыми красками, гордо высится среди льдов и глетчеров.

Высаживаемся на берег, делаем первую разведку. У подножья одной из гор обнаруживаем покосившийся от времени, исцарапанный когтями медведей, деревянный крест на могиле механика экспедиции Георгия Седова — Зандера, умершего от цынги.

В 1914 г. здесь разыгралась трагедия. Экспедиция Седова, зимовавшая на этом месте, испытывала огромную нужду в свежих продуктах. Большинство людей переболело страшным бичом севера — цынгой.

Эта болезнь появляется, прежде всего, от недостатка хорошего питания и недостатка свежих продуктов. У человека, заболевшего ею, распухают десны, вываливаются зубы, а самое главное — появляется апатия, страшная сонливость и нежелание думать, работать, лечиться и заботиться о себе. Если такой человек находится в пути, он неожиданно заявляет своим спутникам, что итти дальше не хочет, что ему лучше лечь спать и, главное, не двигаться. Никакими силами нельзя больного заставить двигаться вперед, нельзя доказать ему, что от этого зависит спасение его жизни.

И вот механик Зандер, заболев цынгой, не желал слушать уговора товарищей немедленно с'есть кусок свежей медвежатины. Этот человек решил лучше умереть, чем «осквернить себя» таким мясом.

В результате разведки, на собрании судовой руководящей тройки было решено строить колонию в бухте Тихая. За это говорило то обстоятельство, что будущая радиостанция, находясь на большом возвышении, будет господствовать над всем проливом, а крутые горы, окружающие берег, хорошо защитят ее от ветров. Вместе с тем, наш судовой радист Гершевич, в течение двух дней работавший в этом районе, заявляет, что, благодаря отсутствию к югу больших возвышенностей, коротко- и длинноволновая связь новой радиостанции должна быть весьма хорошей.

К вечеру приступили к первым работам. Произвели нивеллировку места будущих домов, разбивку крепления антенны и т. д., а в ночь, на трех морских карбасах, перевезли первый груз — бочки с керосином и ящики консервов.

Радиостанция, сооружаемая на месте, орошенном кровью отважных русских исследователей Арктики, явится новым культурным очагом в далекой безбрежной северной пустыне, оторванной на сотни едва проходимых километров от всего цивилизованного мира.

Круглые сутки в несколько смен идет лихорадочная выгрузка ледокола. Под'емные краны извлекают из глубоких, переполненных трюмов строительные материалы, продовольствие и радиооборудование. Вскоре на берег переправили живой инвентарь колонии — лошадь и коров. Группы рабочих копаются в нагромождении камней, оттаскивая их в сторону, расчищая места для будущих домов.

Погода на 80° сев. шир. меняется очень быстро. Еще вчера было хмуро и пасмурно, а сегодня — яркое солнце затопило лучами вершины гор и всю бухту, заставляя энергично плавиться прибрежный лед и сразу как-то осевшие айсберги. Сегодня тепло. В воздухе — плюс 5°.

— Если-б не снег — совсем как в Италии, — смеется Самойлович.

Пользуемся погодой и с удвоенной энергией круглые сутки разгружаем ледокол. С крутого берега мыса уже несутся запахи свежих досок. Там началась постройка кладовой и метеорологической станции, которая будет первой из

серии намеченных к сооружению всеми государствами в Арктике в период 1932/33 г. В ближайший год наша станция развернется в большую международную обсерваторию, откуда не менее двух раз в сутки будут передаваться сводки погоды на материк. Для лучшего обслуживания всего района станции предполагается даже прикрепить к ней два самолета. Наличие спокойной воды должно обеспечить регулярность воздушных рейсов и безопасность посадки на лыжах или поплавках.

Таким образом, наша новая советская радиостанция, являющаяся давнишней мечтой всех ученых-полярников, будет наиболее оборудованной из всех сооруженных до сего времени.

Чтобы облегчить выгрузку, а главное, ускорить ее, Воронин подвел ледокол на расстояние 45 метров к берегу. Благодаря этому разгрузка идет значительно быстрее, чем мы предполагали.

Сейчас, на фоне угрюмых серых скал быстро вырастают две постройки — кладовая и баня. Застучали топоры, в исступлении завизжали пилы, архангельские строители, как мухи, облепили домишки, лазают по крышам, и ползают внизу. Работают все — от начальника экспедиции Шмидта, подавшего первый пример, до машиниста, только что закончившего очередную тяжелую вахту.

Эти дни, когда люди, работая до изнеможения, были связаны коллективным пафосом, одной общей мыслью — скорее закончить постройку, войдут в историю полярных экспедиций как одна из блестящих ее страниц.

Пока на берегу кипела работа, наши ученые использовали время для производства целого ряда научных работ.

Гидролог Горбунов совершил экскурсию на остров Скотт-Кельти, где обнаружил несколько озер, пополнил зоологическую коллекцию птенцами водоплавающих птиц — люриками, несколько напоминающими нашу утку.

Во время экскурсии, между прочим, едва не увяз в топком болоте корреспондент ТАСС Эклер, которого с трудом, общими усилиями, едва удалось вытащить.

Сегодня наш радист перехватил радиограмму экспедиции итальянского инженера Альбертини, который отправился на поиски пропавшей третьей группы Нобиле — Алессандри. Альбертини сообщил, что он находится около острова Шпицбергена, что на санях с собаками обыскал все побережье, но никого не обнаружил. Вместе с тем он обратился к нам с просьбой сообщать ему регулярно сведения о погоде и о состоянии льдов, ибо у него есть мысль пробраться к берегам Шпицбергена.

Проф. Самойлович по этому случаю рассказывал следующие интересные подробности:

— Мне, — заявил он, — было известно еще в прошлом году о сборах этой экспедиции, когда я ездил в Италию. В то время общественные сборы средств на экспедицию шли медленно и плохо. На вопрос интервьюера одной из итальянских газет, я заявил, что, случись такое несчастье в СССР, правительство не замедлило бы выделить достаточные ассигнования и средства для организации хорошей помощи и поисков. Это интервью было опубликовано во всех итальянских газетах, после чего сбор средств значительно повысился.

Тогда же Самойлович получил благодарность от родственников и друзей Алессандри.

«СЕДОВ» БРОШЕН НА МЕЛЬ

Сегодня утром у нас случилось большое несчастье. Сильный ветер неожиданно наполнил бухту Тихая большими глыбами айсбергов и широкими ледяными полями. Благодаря круговому движению воды, в бухте произошла сдвижка льда, в результате чего «Седов» оказался затертым. Громадные айсберги с гигантской движущейся силой обрушились на ледокол, стоявший невдалеке от берега.

В один момент судно, задрожав от могучих ударов, было брошено на мель. Положение оказалось чрезвычайно тяжелым, ибо достаточно было второго мощного налета, как ледокол был бы выброшен на берег и мы, не имея никаких

Бухта Тихая на острове Гукера.

В бухте Тихой готовятся к выгрузке материала.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

шансов выбраться самостоятельно, принуждены были бы зимовать на Земле Франца Иосифа.

Целые сутки капитан делал попытки при помощи винта сойти с мели; механик Шиповальников бессменно торчал в машинном отделении, доводя давление в котлах до максимума. Раненое судно дрожало точно в лихорадке; за кормой винт упрямо буравил воду. Но «Седов» не сходил с мели.

Вот в этот-то исключительно серьезный и опасный для всей экспедиции момент и обнаружилась находчивость и распорядительность Воронина, принявшего самые экстренные меры и мобилизовавшего команду. Немедленно были налажены подрывные работы для освобождения якорной цепи, на которую тяжестью в несколько десятков тонн, навалился огромный айсберг.

Братья Илляшевичи на маленькой лодочке подбирались к ледяному гиганту, прорубали отверстия, закладывали толуол (взрывчатое вещество) и поспешно поджигали шнур. Вскоре раздавались оглушительные взрывы, от которых айсберг разламывался на куски.

Но и этого оказалось недостаточно. Пришлось предпринимать другое. Перекинули длинный стальной трос на соседний айсберг и при помощи лебедки стали к нему подтягиваться. С большим трудом этим способом удалось снять с мели носовую часть судна, но корма попрежнему оказалась плотно посаженной и не сходила с места.

Тогда задние трюмы освободили от тяжелых грузов, перенесли их на нос и вместе с тем произвели перекачку запасов пресной воды, находившейся в цистернах, на переднюю часть судна. Лишь благодаря этому центр тяжести «Седова» перекочевал на нос, находившийся на свободной воде. После долгой усиленной работы машин, а также в результате перекачки воды, поздно вечером нам удалось сойти с мели и поспешно выйти на середину бухты.

— Ну, дешево мы отделались, — говорили старые моряки.—Бухта Тихая совсем не тихая. Она не оправдывает своего названия, являясь, по меньшей мере, коварной.

Вот уже несколько недель, как радио оказывается единственным звеном, связующим нас с берегом. Длинные тысячи пройденных километров, вытянутых в одну маленькую нить, теряются за туманным горизонтом, откуда уже неделю не имеем никаких сведений. Особенно тяжело всем, привыкшим к газетам и уезжавшим в момент больших политических событий, терять всякое представление о международной обстановке, внутреннем положении республики. К сожалению, наше радио не в состоянии помочь. Тщетно по ночам, нацепив наушники, сидим в маленькой комнатке радиорубки у приемника, силясь, средь грозовых разрядов, шума и хрипа уловить так ценимое здесь радиослово газетной информации. Только здесь, за тысячи километров от СССР, чувствуешь всю мощь этого гигантского достижения человеческой мысли.

Постройки быстро подвигаются вперед. На берегу уже высятся скелеты трех домов — кладовой, бани и большого вместительного дома на 13 комнат. Каждый зимовщик будет иметь отдельную, просторную и светлую комнату.

Это совсем не роскошь. Это необходимость. Вель, смельчакам придется провести 128 дней, не имея возможности из-за полярной ночи выйти из помещения. Понятно, что люди надоедят друг другу и многим захочется просто побыть в одиночестве — хотя бы спокойно почитать книгу. Вот для этого-то каждому и предоставляется отдельная комната.

Как надоело видеть постоянно на небе светлое пятно негреющего солнца. День и ночь — эти названия здесь совсем неподходящи. Собственно, ночи сейчас нет.

Вот проснется человек на ледоколе, протрет глаза и спрашивает: «А который сейчас час?» — «Два часа», отвечают ему. «А что это, дня или ночи?» — «Ночи». И все же встает человек, одевается, вылезает на палубу и бодрствует до утра. А утром опять ложится спать и дрыхнет до вечера. В общем, перепутали, когда ночь, когда день. Большого труда мне стоило во-время ложиться и во-время вставать.

Как-то странно итти спать в то время, когда на небе бессменно торчит яркое светило.

Мясная пища порядком надоела. Каждый день — консервы, солонина и опять — консервы. В целях пополнения запасов продовольствия, однажды светлой ночью Шмидт и я выехали на маленькой шлюпке на охоту. Всю бухту заволокло густым туманом, от которого пропали резкие очертания прибрежных гор. Перед лодкой, в виде сказочных дворцов и башен, неожиданно выплывали изломанные контуры айсбергов и огромных глыб льда. Неясный свет бодрствующего полярного солнца ложился неправильными узкими полосами на лед и создавал какую-то феерическую картину.

У подножья Рубини Рок встретили огромные стаи чистяков, кайр и люриков. Собственно, охоты даже и не было. Был массовый расстрел наивной птицы, не понимавшей, какие опасности в себе таит длинное дуло двустволки. Под утро, к радости судового кока, мы привезли целую корзину дичи. В этот день на столе появилось отличное жаркое, по вкусу весьма напоминавшее мясо дикой утки.

10 августа состоялась закладка самой северной в мире радиостанции. Общими усилиями всех членов экспедиции был подведен фундамент и установлен станок для машины, которая будет вырабатывать энергию для радиотелеграфа.

Все три дома вчерне уже готовы. Сейчас приступили к внутренней отделке зданий и покрытию их толем.

Последние два дня стоит сырая, промозглая и холодная погода, с резким северным ветром. Вся бухта наполнена огромными ледяными полями и свежим, только что появившимся налетом — салом.

Сегодня воскресенье. Но на «Седове» оно отличается от обычных будничных дней лишь тем, что на столе кают-компании появляются сладости. Законный, декретированный на материке день отдыха здесь совсем не соблюдается. Да и вся обстановка, в которой мы находимся, настойчиво диктует отложить все мысли об отдыхе до окончания строительных работ. Не за горами холодная бурли-

вая осень, а дальше — долгая, тяжелая полярная ночь. Надо торопиться закончить разгрузку трюмов, постройку жилищ, закончить внутреннее оборудование помещений, чтобы предоставить необходимый уют семерым смельчакам, которым предстоит многие месяцы провести в суровых условиях Арктики.

У нас кончается запас пресной воды. Здесь этот вопрос получает весьма большую остроту. Надо изыскать способы пополнить резервуары.

По предложению капитана, наш ледокол пришвартовался к огромному ледяному полю. Дело в том, что в морском льде, особенно многолетнем, соль быстро выветривается, и лед скоро становится пресным. На льдине мы обнаружили большую лужу кристально чистой воды. Спустили вниз пожарную помпу и принялись накачивать воду в цистерны. Вскоре по новеньким шлангам потекла та необходимая жидкость, без которой ни один моряк не отважится выйти в открытое море.

Так, на 80° сев. шир. была разрешена водяная проблема.

Свирепый ветер, наполняющий бухту огромными айсбергами, не только не желает уняться, а, наоборот, крепчает с каждым днем, подымая волны с белыми барашками на гребнях. Если-б не бесконечное ледяное поле, заслоняющее нас от выхода в морские просторы и не дающее разыграться старику-океану, нашему ледоколу опять пришлось бы испытать шторм.

Десятибалльный ветер, от которого в открытом море, вероятно, сейчас штормует, лишь яростно и безнадежно треплет развешенную парусину, свирепо воет и свистит, путаясь в крепкой паутине снастей.

Пробираться к месту постройки стало еще труднее. Крепыши-матросы едва доводят до берега загруженные до верха лесоматериалами тяжелые морские баркасы. Штормовой ветер отгоняет их к середине бухты, не давая возможности приставать к наскоро сколоченной пристани. Нередки случаи, когда лодки переворачиваются, люди оказываются в воде, принимают неожиданные холодные ванны и, не об-

сохнув и не переменив одежды, принимаются ловить в волнах уплывающие доски.

Но, несмотря на все препятствия, которые нам ставит природа, работа энергично продвигается вперед. Мы уже закончили железобетонные работы; под двигатель подведено каменное основание, приступили к кладке печей, к которым общими усилиями подтаскиваем штабеля кирпича.

Самойлович и географ Иванов в течение двух дней обследовали мыс Чурляниса.

— Для установления скорости движения льда, мы произ-

Вот что рассказал Иванов:

вели топографическую с'емку кромки ледника, называющегося «Юрий». У краев ледника соорудили из камней гурии — знаки, по которым последующие экспедиции смогут легко ориентироваться в своей научной работе. В одном из гуриев оставили записку, в которой дали указание, какие и кем произведены работы, и где можно получить результаты их. На мысе, на высоте 150 метров над уровнем моря, обнаружили несколько интересных видов пауков, мух и комаров, по внешнему виду весьма схожих с теми, что встречаются у нас на материке. Надо сказать, что это первые насекомые, зарегистрированные человеком на Земле Франца Иосифа. Найдено несколько видов мхов, не встречающихся у нас на крайнем севере, а также до ста видов паразитических грибов. Все это говорит за то, что весна и лето здесь настолько коротки, что не дают здесь возможности вызревать высшим растениям. Вызревают лишь те, что размножаются путем почкования или спор.

Из цветковых растений обнаружили лишь только 25 видов, главным образом, полярных маков, с большими светло-желтыми и бледно-зелеными бутонами, в то время как на Шпицбергене их имеется до 130 экземпляров. Видимо, лето с весьма низкой температурой (в среднем, плюс 0,2°) играет здесь решающую роль. Из древесных пород, впервые на этой широте, найдена полярная береза, находящаяся в более угнетенном состоянии, чем на Новой Земле или Шпицбер-

гене. В долинах ручьев мы обнаружили куски окаменелых растений, относящихся к семейству папоротниковых.

Эта находка приподнимает завесу геологической истории Земли Франца Иосифа и его прошлого климата, который был значительно теплее теперешнего и более теплый, нежели сейчас на Кавказе.

13 августа утром продежуривший всю ночь радист Гершевич, заспанным голосом сообщил ошеломляющую новость. Он поймал радиограмму какого-то судна «Стэлла Полярис», из которой явствовало, что оно находится в 60 милях к югу от мыса Флора, т. е. совсем близко от нас. Эта радиограмма, которая предназначалась чужому адресату в Норвегию, была подписана Гисбертом. В ней сообщалось, что «Стэлла Полярис» встретила тяжелые, непроходимые для себя льды, но что путешественники питают надежду — ледяные поля разойдутся и дадут возможность добраться до «международной гостиницы».

По предположению проф. Визе, в наших водах плавает испанский путешественник Гисберт, зафрахтовавший норвежское судно, ибо такого названия пароход имеется в списках норвежского торгового флота.

АРКТИЧЕСКОЕ ЛЕТО

Арктическое лето в полном разгаре. Теплые лучи яркого солнца, прорвав седое покрывало тумана, жадно лижут неизмеримый белоснежный ковер. Утром на искрящуюся миллионами бриллиантов поверхность ледяных полей невозможно смотреть: глаза слезятся. Приходится прибегать к помощи специальных очков с желтыми стеклами. Солнечная слепота особенно поражает людей в период весны, когда снег блестит еще ярче, чем сейчас. В Арктике нередки случаи, когда путешественники теряют зрение или подвергаются тяжелым глазным заболеваниям.

— Воздух здесь лечебный, — говорит лектор смоленского университета, судовой врач Белкин. — Вот где идеальная здравница для туберкулезных.

И действительно, более чистого, незасоренного различными миазмами и бактериями воздуха нигде не найдешь,— да и откуда здесь быть этой пакости. Кругом, на сотни, тысячи километров, ни одной души, — лишь горы, острова и снег, снег, снег...

Теплое солнышко невольно заставляет улыбнуться суровую природу, привыкшую к бешеным морозам, вьюгам и дикому разгулу северных ветров. Окрестности полны птичьего гама. Тысячи пернатых, кажущиеся снизу крошечными стрекозами, веселыми стайками кружатся над своими гнездами, скромно прилепившимися к отвесным обрывам мшистых скал.

Там далеко, у самых облаков, целый оркестр, хор, день и ночь поющий гимн теплу и свету. Какая пестрая симфония звуков. Удивляешься, что исполнители — те самые белогрудые чистяки или серебряные изящные чайки, которые в тихих затонах уже вывели своих малышей на первые уроки плавания. Блестящие мокрые головы тюленей, весело кувыркающихся в потеплевшей воде, появляются у самого борта ледокола, не пугаясь ни шума, ни даже гулкого выстрела страстного охотника по морскому зверю.

Старые, мрачные горы зазеленели молодыми побегами жесткой травы, мягким пушистым ковром мха, расцветились целыми полянками лимонно-желтого полярного мака, какой-то нежной фиолетовой травки. Из ущелий, извилистых расщелин несутся к морю ручейки кристальной студеной воды, целые каскады небольших водопадов. Громадные айсберги, еще недавно блиставшие причудливыми изломами, словно под гигантской тяжестью, согнулись, осели и заплакали быстрыми, чуть подсоленными слезами.

Как-то не верится, что через месяц здесь все перевернется вверх дном. Солнце перед окончательным заходом умерит свой пыл, поблекнет не успевшая вырасти зелень, и холод, гнетущий холод заставляющий пернатых поспешно удирать на юг, вступит в свои права.

И тогда черным покрывалом накроет архипелаг Земли Франца Иосифа безжалостная, суровая полярная ночь.

РАЗГРУЗКА ОКОНЧЕНА

15 августа закончилась тяжелая работа по перевозке грузов на берег. Как ни старалась суровая природа нам помешать, работу окончили ранее намеченного срока.

Необходимо отметить, что большая доля успеха в выполнении возложенного правительством на нас поручения зависела от молодого энергичного старшего штурмана Хлебникова, наблюдавшего за работой. Благодаря его распорядительности разгрузка шла круглые сутки без каких бы то ни было перерывов.

Таким образом, нами пройден новый, весьма ответственный этап. Теперь все силы брошены на ускорение работ по береговым сооружениям. На крыше нового дома уже установили вышку для производства наблюдений над лучистой энергией солнца.

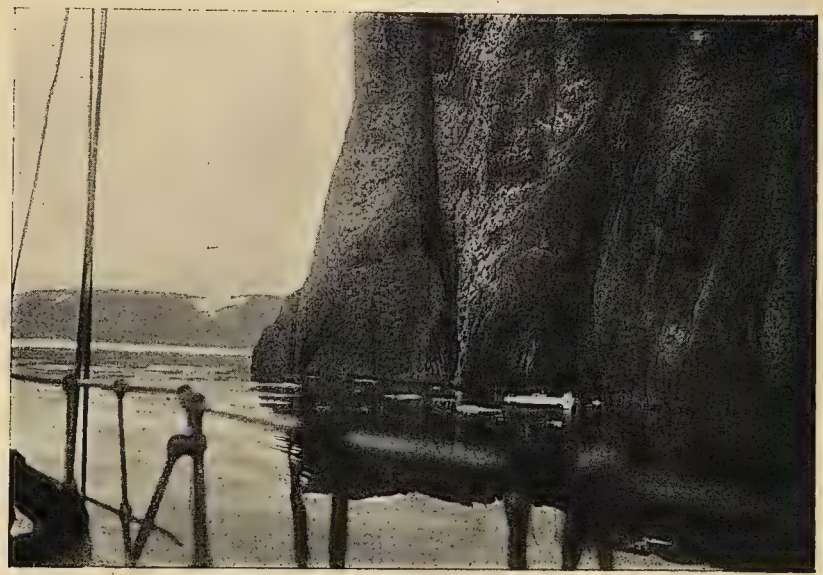
Всегда веселый радист Кренкель, мурлыча какую-то песенку, распаковывает бесчисленные ящики, приготовляясь к установке мотора аппарата.

— В первых числах, — говорит он, — обязательно полетит первая искра новой полярной радиостанции.

Выбрав свободную минутку, большой компанией отправились под руководством проф. Визе и капитана Воронина в длительную пешеходную экскурсию через остров Гукер до мыса Маркгам.

С большим трудом взобравшись на отвесные скалы, мы вступили на огромное плоскогорье, вспаханное базальтовыми камнями. Сверху открылась дивная картина: освещенная солнцем длинная линия горизонта, ледяные поля широкого Британского канала, полузакрытые глетчером островки. Издали наблюдали остров Нансена, где в 1901 г. построил хижину и зимовал американский путешественник Болдуин.

Вернувшись домой, узнали, что в наше отсутствие матросы убили двух гренландских тюленей, причем одного молодого, подобравшегося к борту лодки, они пристукнули веслом.



Скала Рубини Рок.

Отправление группы на Кап Флора.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Сегодня команда «Седова» получила первый, вполне заслуженный отдых. Отмывшиеся от грязи и угольной пыли, приодевшиеся матросы весь вечер провели, упражняясь в стрельбе из мелкокалиберной винтовки по небольшим уточкам, в изобилии плавающим вокруг судна.

Проф. Самойлович закончил большой важности научную работу. Он произвел топографическую с'емку ледника «Юрия». 15 лет тому назад такую же работу сделал и Визе. И вот сейчас сравнение этих двух работ даст возможность выяснить чрезвычайной важности вопрос, надвигаются или отступают ледники. Если в результате исследования окажется, что ледник «Юрий» отступает, то из этого можно вывести заключение, что колебания климата изменяются в сторону потепления. Если же ледник наступает, из этого можно будет вывести заключение, что климат становится все суровее.

— Поедемте в долину Молчания, это исключительное по красоте место необходимо каждому посмотреть, — как-то заявил нам Визе.

На небольшой парусной шлюпке, при слабом попутном ветре, вошли мы из бухты Тихая и по Британскому каналу под'ехали к двум грядам темных гор, с расположенной в середине долиной. Огромное мрачное ущелье с большими нависшими темными скалами. Посредине поросший мхом, заваленный глыбами камней долины, звонко журча, несется горный ручей, который берет начало в больших ледниках, низко спускающихся к самому ущелью.

Во время обхода долины мы обнаружили большое количество кусков, даже толстых стволов окаменелых деревьев, которые когда-то росли на окружающих ее холмах и склонах. Эта находка является огромной ценностью, ибо она дает возможность судить о доисторической растительности и климате Земли Франца Иосифа.

В то время как мы копались в земле, отрывая куски окаменелостей, Отто Юльевич Шмидт, который, кстати сказать, является прекрасным альпинистом, произвел чрезвычайно рискованную попытку взобраться на совершенно от-

весную стену ледника. Мы долго наблюдали, как его маленькая фигурка карабкалась наверх, как он судорожно руками откапывал в снегу маленькие ямки для ног, чтобы получить хоть какой-нибудь упор. Мы все время боялись, что снег обвалится, и наш герой полетит с огромной высоты вниз. К счастью, все обошлось благополучно, и он добрался до самого верха глетчера.

ПО ДОРОГЕ К ПОЛЮСУ

— Товарищи, — сказал Шмидт, — у меня есть предложение использовать время для поездки на север. Ведь, этот район совершенно никем не изучен. Мы даже не знаем, как следует, что там находится.

Идея весьма удачная, ибо выгрузка трюмов уже окончилась, в домах осталось лишь сделать внутреннюю отделку, а сегодня утром из труб даже показались первые струйки дыма.

В 9 час. вечера при спокойной воде и ясной погоде «Седов» вышел в Британский канал. Светлая ночь и незаходящее солнце дали возможность беспрерывно производить большие научные работы по исследованию течений, составу воды, поверхности дна и изучению животного мира океана. Всю ночь научный состав экспедиции был на своих постах. Впервые на этих широтах брали пробу воды из различных глубин, и тралом (сеткой) со дна извлекали бессчисленное множество морских животных: нежные желтые стебли плотоядных лилий, морских звезд, щетинистых червей и т. д. Совершенно неожиданно поймали даже маленького осьминога, каким-то образом занесенного сюда течениями из Атлантического океана.

Во время работы Шмидт обнаружил большую ледяную пещеру, куда мы немедленно выехали на двух морских ботах.

Изумительное зрелище представилось нашим глазам. Две ледяные башни, как стражи, охраняют вход в темное ущелье, которое, извиваясь и теряясь в темноте, уходит в глубь глет-

чера. Мы в'ехали под широкие своды голубого купола, украшенного кружевами тончайшей паутины, гигантскими гирляндами сталактитов. Несколько минут мы молча любовались этой исключительной по красоте картиной и, по правде сказать, говорить-то было рискованно, ибо блестящий, искрящийся бриллиантовый свод ежеминутно грозил обвалиться от громкого звука.

Мы так увлеклись этой фантастической картиной, что не заметили, как вход в пещеру стал закрываться внезапно надвинувшимся ледяным полем. Тут поднялась нервная тревога. Надо было срочно удирать из сказочного замка, готового стать для нас невольной тюрьмой. Перепрыгивая со льдины на льдину, расталкивая упругий лед, пробираясь узкими, извилистыми лазейками, с огромным трудом нам удалось выбраться к ледоколу, уже приготовившемуся уходить в открытое море.

Короткое полярное лето закончилось. Солнце недолго баловало теплыми лучами начавшую оттаивать землю. Появились первые предвестники грядущей зимы: пасмурная погода, холод, изморозь, пронизывающие туманы и мелкий липкий снег. Неприветливо, угрюмо торчат так быстро потерявшие изумительные оттенки красок скалы; миллионы голосистых птиц покинули гнезда и улетели в теплые края. Остались лишь постоянные обитатели здешних мест — чайки, надоедающие своими нудными пронзительными криками.

29 августа в первый раз уйдет за горизонт похолодевшее солнце, а 19 октября надвинется долгая полярная ночь. Лишь 24 февраля скользнет первый луч солнца, чтобы сейчас же спрятаться.

21 августа, возвратившись в бухту Тихая, мы высадили на берег 16 архангельских строителей, которым дали задание в самом срочном порядке закончить внутреннее оборудование радиостанции.

В этот же день к вечеру «Георгий Седов» вышел в Британский канал и взял направление на север. Время для производства различного рода исследовательских работ, имею-

щих колоссальное научное значение, у нас строго ограничено. Суровая арктическая зима скоро скует ледяными путами морские дороги, и это заставляет дорого ценить каждый час. Чтобы не терять связи с колонией, мы передали им запасную маломощную телефонную радиостанцию, радиусом действия в 250 миль.

Хриплым протяжным эхом, отмеченным в горах, простились с берегом. Всем приятно снова вдохнуть свежий подсоленный воздух. Вся команда и члены экспедиции, словно впервые на море, торчат на палубе. Лишь среди собак, оставленных на берегу, паника. С диким лаем носятся они вдоль бухты, провожая нас, беспомощно поглядывая на уходящий ледокол.

Идем хорошей дорогой, широкими разводьями. Ледяные поля, словно чувствуя свою беспомощность, покорно, расступаются, давая путь победителю природы.

Под утро, на спущенной шлюпке Самойлович, географ Иванов, сотрудник экспедиции Баклан и я, выехали на остров Нансена. Впервые на эту неприветливую болотистую землю ступила нога человека, ибо американец Джексон, присвоивший ей в 1896 г. имя величайшего полярного исследователя, лишь видел ее издали, с корабля.

Осмотрели землю, произвели геологические обследования, а из камней соорудили гурий, который можно видеть со всех сторон Британского канала.

Снова в пути. Наша задача пройти в неисследованные районы до тех пор, пока позволят ледяные поля, в районы, где никогда и никем не производились научные работы, где глубина фарватера и характер течений еще являются тайной для человека. Карты этих областей совсем неточны, и берега не изучены. Вот, например, в английских картах Земля Нансена отмечена, как маленький островок, а мы обнаружили огромный остров, во всяком случае, куда больший, чем это показано на английских лоциях.

МЕДВЕДИ

Сначала у самого горизонта, в сизой дымке тумана, на искрящемся ледяном ковре появилось темно-желтое пятно.

— Медведь! — закричали наши охотники, бессменно дежурившие на носу ледокола.

И правда: желтое пятно, по мере приближения к нему «Седова», зашевелилось и из мохнатого кома превратилось в едва заметную фигурку зверя. Владыка ледяной пустыни шел медленно, солидно и важно. Вытянув голову по направлению к судну, повидимому, обнюхивая воздух, он спокойным шагом, не спеша, двигался наперерез ледоколу. Вот он уже близко. Сейчас можно хорошо разглядеть три черных точки на его морде: два острых глаза и беспрерывно шевелящийся нос.

Надо вам сказать, что охота на медведей в арктических странах совсем не похожа на охоты, которые мы обычно себе представляем. Меткому стрелку совсем ненужно подкрадываться к зверю, ползти, стараться быть незамеченным. Медведь сам к нему придет. Владыка пустыни — по силе не знает себе равных, он никого не боится. Единственная его слабость — это любопытство. Поэтому он и сейчас так храбро подходит к судну, с удивлением рассматривая «незнакомого зверя».

На борту «Седова» суматоха. Длинной цепью выстраиваются стрелки, заряжают винтовки и от нетерпения и охотничьего азарта уже нервничают. Когда мы встретили первых медведей, у нас не было никакой организованности: мы их зверски расстреляли, всадив по пятнадцати пуль в каждого. Но сейчас мы уже приобрели определенный опыт. Весь состав команды разделен на группы, причем каждая группа стреляет по очереди.

На расстояние ста шагов подошел мохнатый гигант к ледоколу. Как ловко и изящно он перепрыгивает через полыньи! Трудно себе представить, что в этой туше больше полтонны веса. Остановился, зорко оглядывает ледокол, даже присел и встал на задние лапы.

— Смотрите! — возбужденно кричит боцман, — медведь-то позирует оператору.

Конечно, Новицкий с удовольствием пользуется бесплатной натурой. Не обращая внимания на крики нетерпеливых охотников, он в исступлении вертит ручку киноаппарата.

— Новицкий, перестань снимать, довольно! — кричим мы, — а то медведь сейчас уйдет.

Но попробуйте остановить оператора. Он не желает слушать наших уговоров. И вот, когда Мишка повернул свой огромный, широкий зад, за которым скрывались все наиболее уязвимые места, тогда нам дается сигнал открывать стрельбу.

Но в зад медведю стрелять бесполезно. Его можно лишь ранить и то не серьезно. В этих случаях медведь с огромной скоростью бросается в бегство, и маленькая пуля трехлинейной винтовки имеет мало шансов на хорошее попадание. Поэтому мы не сразу открываем пальбу, а ждем момента, когда медведь станет оглядываться на судно. Вот в это время меткий выстрел охотника попадает в цель.

Один из наших лучших стрелков Шмидт, так тот норовил с первого выстрела убивать медведей. Громадная туша как-то осаживается на задние лапы и валится набок. Ни хрипа, ни стона. Все происходит в глубоком молчании. Лишь в воздухе виснет гулкий выстрел винтовки, эхом отдающийся в громадных торосах.

Медведь убит. По шторм-трапу на лед выпрыгивают матросы, осторожно держа винтовки наизготове, подходят к убитому зверю, закидывают петлей на него канат и подтаскивают к борту судна. Тогда уж лебедкой его подтягивают на палубу, где остроносые лайки от радости устраивают шумный концерт.

Немедленно научный работник экспедиции Горбунов принимается за обмер туши и за разделку — снимает шкуру, копается во внутренностях и т. д. И пока он производит эту грязную и кропотливую работу, все тринадцать лаек рассаживаются вокруг него. Собаки облизываются и скалят зубы друг на друга: они уже заочно поделили добычу.

Достается кое-что и судовому повару. Длинным ножом он отхватывает мягкие части животного, чтобы вечером на столе кают-компании угостить экспедицию прекрасными мягкими бифштексами.

Бывали случаи, когда к ледоколу подходила мать с медвежонком. Интересно, что малыш, не чувствуя опасности, подбегал чуть ли не к самому носу судна, так что матери резкими окриками приходилось его часто останавливать. А когда капитан давал хриплые гудки, то медвежонка нельзя было остановить, и он подлезал под самый пароход. Раз как-то мы убили мать, хотели поймать живьем медвежонка, но это нам не удалось из за того, что мы не слушались советов опытных матросов. Мы убрали убитого зверя на ледокол, а потом уж попытались окружить медвежонка. А этого нельзя было делать. По охотничьим правилам полагается оставить на некоторое время мертвое тело на льду, и тогда медвежонок ни за что не отойдет от матери и легко позволит себя окружить вооруженным матросам.

Медведи прекрасно плавают. Несколько раз были случаи, когда мы могли убедиться в их способностях. Они быстро работают лапами и очень ловко ныряют под небольшие льдинки. В воде убить их еще труднее, ибо мишенью является лишь небольшая голова, а бывают случаи, когда плавающего медведя убивать вообще бесполезно. Летом, например, медведи имеют мало жира, и тогда убитые туши сразу же идут на дно.

МИРОВОЙ РЕКОРД

Через три дня после ухода из бухты Тихая мы потеряли всякую связь с материком. Наши телеграммы не доходили до Архангельска, и мы, в свою очередь, не получали никаких сведений с далекой родины.

Особенно «недовольным» нашей поездкой оказался радист Гершевич. Исключительной трудности работу приходится ему нести. Целыми ночами, под завывания северного ветра, он нащупывает другого радиста Пахолкова, находящегося за тысячи километров от нас, на радиостанции Цып-Наво-

лок. Сквозь шум и грозовые разряды они стараются уловить те сложные комбинации из точек и тире, которые на следующий день будут поданы читателю в виде сводок и отчетов о ходе экспедиции.

Несколько часов изнурительной работы на нервах делают человека больным. Британский канал, опоясанный горами, едва пропускал радиоискру, которой предстояло пролететь больше 1 300 километров. С большим трудом, сквозь неясные хрипы и стоны, передавая по нескольку раз одну и ту же информацию, они сумели перебросить друг другу всего несколько строк...

22 августа наш ледокол достиг 82° 14' северной широты и установил блестящий мировой рекорд для свободно плавающих, не несомых льдами судов в европейско-азиатском секторе.

Как это ни странно, но когда мы прошли через весь архипелаг Земли Франца Иосифа и покинули острова, мы неожиданно увидели свободное ото льда море. Это обстоятельство весьма удивило наших ученых.

— Как, на более южных широтах мы мучились во льдах, а здесь, на севере, куда никогда не доходили никакие пароходы, мы встретили свободное ото льда пространство воды!

Проф. Визе целый день возился со сложными приборами и к вечеру об'явил, что мы сделали величайшее открытие — нашли новую ветвь теплого течения Гольфштрема, которая неизвестно по каким причинам сюда попадает из Атлантического океана.

Дальше на север итти опасно и рискованно. У нас ограниченное количество угля, а к тому же мы уже целую неделю не имеем никаких сведений из колонии. Повидимому, та радиостанция, которую мы им оставили, испортилась.

Решаем повернуть обратно. Мы сделали все, что было в наших силах: установили мировой рекорд, побили прежний рекорд, принадлежавший герцогу Абруцкому, и советский рекорд, установленный в прошлом году «Красиным».

Седовцы накачивают на пароход пресную воду из лужи на поверхности льдины.

Ледяной грот у ледника Юрий, обнаруженный «Седовым» во время исследовательского рейса в проливе Мелениума.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Мы были от полюса на расстоянии, несколько превышающем путь из Москвы в Ленинград.

Теперь перед нами появилась возможность разрешить еще две задачи — зайти на мыс Бророк, где погиб лейтенант Седов, и на Землю Рудольфа, где, по сведениям, должны находиться остатки богатейшей американской экспедиции Фиала.

МЫС БРОРОК

В 1914 г. три полузамерзших, истощенных от голода героя, собрав последние остатки энергии, добрались до мыса Бророк. Это были исследователи — Георгий Седов и его два спутника-матроса. В этот далекий и опасный путь они вышли с намерением достигнуть полюса. Но цынга, которой заболели все три участника похода, не дала им возможности завершить начатое дело до конца.

— Вот дойду до земли Рудольфа,—говорил Георгий Седов,—там и поправлюсь.

Но этого ему так и не удалось сделать. Он не дошел до продовольственной базы всего лишь 30 километров и скончался. У матросов не было орудий, а главное, сил для того, чтобы расковырять веками промороженную землю. С величайшими усилиями они засыпали тело грудой камней и поставили сделанный на лыж крест. А сами повернули в обратный путь и насилу добрались до бухты Тихой, где в это время зимовали их товарищи.

Тихо, при спущенном в знак траура флаге, подошел «Седов» к мысу Бророк, месту величайшей человеческой трагедии.

Быстро скользнула на воду и закачалась на гребнях волн окрыленная веслами шлюпка. Плыли долго, упорно пробиваясь к угрюмому, неприветливому берегу, к крутому отвесу нависших скал.

Орудийным грохотом, гулким обвалом встретил экспедицию старый, расчерченный широкими морщинами трещин ледник. Разбившись на партии, в течение нескольких часов, шаг за шагом обыскивали каждую пядь вздыбленной оскол-

ками гор земли, тщательно осматривали все пригорки, холмы, хотя бы смутно напоминавшие своим видом дорогую могилу. Но уже вскоре пришлось убедиться в полной бесплодности поисков. Ледяные потоки мчащейся с глетчеров талой воды, размывающей каменные глыбы, наносящей кучи песка и глины, видимо, не пожалели и последнего приюта Георгия Седова. Наскоро сколоченный деревянный крест смыло ручьями, набросанные на его тело камни разворачивали в изобилии водящиеся здесь медведи, а пятнадцать лет диких буранов, бешеных ветров наверняка снесли и утопили в океане останки героя.

На холме собрались все участники поисков и водрузили старательно расписанную матросами ледокола красную доску с надписью на русском и английском языках: «Советская экспедиция ледокол «Седов». 1929 г.». Обнажив головы, поникнув в тихом безмолвии, простояли в течение нескольких минут, которые, казалось, тянулись часами. Опустив глаза в сырую, топкую землю, как-то сгорбившись, стоял Визе, видимо, вспоминая своего бывшего начальника и друга.

Тихо, почти шопотом, обратился Шмидт к участникам.

— Георгий Седов,—сказал он,—был лейтенантом царского флота. Но его молодую, увлекающуюся натуру не удовлетворяла военщина. Всю свою жизнь он посвятил и отдал науке, идее завоевания суровой Арктики. Царское правительство не хотело помочь ему и ставило всяческие препятствия делу общечеловеческой, общекультурной важности. И тогда Седов, придумав в качестве приманки открытие полюса, стал невольной жертвой условий, которые создал ему царский режим. Рабочий класс великого Союза, отбросив блестящие побрякушки—звание и чины, чтит память Седова, героя-энтузиаста, отдавшего жизнь изучению далеких северных границ.

— Вам, Владимир Юльевич,—сказал он, обращаясь к Визе,—должно быть особенно тяжело вспомнить трагедию, разыгравшуюся на этих широтах. Матросы «Седова»,—добавил он,—гордо носите имя великого исследователя Арк-

тики, а возвратившись в Архангельск, поведайте всем, как мы искали дорогую могилу. Пусть рабочие Севера чтят его память и никогда не забудут его дел.

Когда мы поехали обратно, Визе рассказал нам, что матросы, спутники Георгия Седова, оставшись без предводителя, решили сначала итти на Землю Рудольфа, где, они знали, находится дом и склад с продовольствием, оставленные американской экспедицией. Но взобравшись на огромный купол глетчера и увидав бесчисленное множество широких трещин, а главное, уже будучи крайне истощены, не решились двигаться дальше и повернули в обратный путь.

Оглядываемся назад, мысленно последний раз прощаемся с пропавшей могилой, угрюмым берегом и мелькающей в тумане красной мемориальной доской.

ЗЕМЛЯ РУДОЛЬФА

Бухта Теплиц Земли Рудольфа сыграла выдающуюся роль в истории завоевания Арктики. Впервые в 1874 г. ее зимой посетил австриец Пайер, открывший Землю Франца Иосифа. Через 25 лет сюда прибыла большая экспедиция на судне «Стэлла Полярис», под командой герцога Абруцкого. Вначале итальянцы решили перезимовать на судне, но колоссальные напоры льдов на бухту, в которой стоял корабль, ежеминутно грозили раздавить хрупкую деревянную обшивку, и поэтому пришлось срочно перекочевать на берег. Герцог Абруцкий не рассчитывал зимовать на архипелаге и поэтому не захватил с собой разборных домов. Всю долгую полярную ночь они провели в больших лишениях, ночуя в легких брезентовых палатках.

С наступлением весны группа под начальством Каньи сделала тщетную попытку на санях по морскому льду достигнуть полюса. Во время их похода пропало без вести три члена экспедиции, доставлявшие Каньи продовольствие и поддерживающие связь группы с берегом. Вот тот памятник, который мы обнаружили на мысе Флора, и был сооружен в память этого события. После ремонта судна, прове-

денного с огромными трудностями, Абруцкому удалось прорваться в Британский канал и уйти на родину.

В 1903 г., отправленная на средства американского миллионера Циглера, на остров прибыла прекрасно снаряженная экспедиция под командой Фиала на судне «Америка». В начале зимы корабль был также сдавлен льдами и затонул. Участники перебрались на остров, построили большой досчатый дом и сарай, крытый парусиной. Американцы имели в своем распоряжении около 30 пони и более 200 упряжных собак, большое количество продовольствия, научных приборов и выпускали даже ежедневную газету. Зиму они провели в прекрасных условиях. Весной сделали попытку пройти к полюсу, но отошли от Земли всего лишь 20 километров, ибо торосистый лед не дал возможности продвигаться вперед. Тогда же была отправлена группа на собаках и лошадях к мысу Флоры, где они ждали прихода вспомогательного судна. Но в тот год корабль не смог пробраться к архипелагу, и всем участникам пришлось вторично зимовать. На следующий год Фиала опять сделал попытку дойти до полюса и опять неудачно. Лишь в 1905 г. пароход «Терра Нова» подошел к мысу Флора и забрал на борт всех участников экспедиции.

На двух шлюпках мы выехали к берегу. У большого ледяного поля нас гостеприимно встретил здешний хозяин— медведь, которого пришлось отгонять выстрелами. Весь путь к земле был сопряжен с огромными трудностями. Припай льда оказался размытым широкими полыньями. В течение двух часов, перескакивая через торосы, проваливаясь на обламывающемся льде, пробирались мы к берегу, к чуть видным в тумане серым строеньицам.

Прежде чем заняться осмотром исторических остатков прежних экспедиций, пришлось срочно урегулировать взаимоотношения с огромным старым медведем, весьма недвусмысленно оценившим наш приход. Мне удалось с первого выстрела свалить его с ног.

Отлогий кусок земли, омываемый ледяными водами бухты Теплицы, завален громадными бурыми обломками скал.

С двух сторон в море впадают гладкие блестящие русла глетчеров, пересеченные множеством трещин. Берега ледников обрывистые, крутые. Куски колоссальных, уже отвалившихся айсбергов тихо покачиваются на воде.

На небольшом пространстве, свободном от снега, тесно друг к другу прижались два дома—один большой досчатый, с зияющими ранами выбитых окон, другой—скелет, остов палатки с обрывками когда-то натянутого брезента. Весь берег завален разбитыми ящиками, ржавыми банками консервов, красными бочками из-под керосина, тряпками, канатами и т. д.

Залезаю в разбитое окно дома и попадаю на большую ледяную гору, твердую, как сталь, которая образовалась от снега, нанесенного буранами в пробитую брешь крыши. Осторожно сползаю вниз через какие-то перегородки, простенок и обвисшие, но не перепревшие веревки и вдруг неожиданно попадаю в жилую, уютную, прекрасно сохранившуюся комнату, видимо, капитана корабля.

Небольшой кабинет, рабочий стол, полки с чуть заплесневшими книгами, главным образом, беллетристикой. Масса фотографий, картин, карт, безделушек и пр. Рядом—спальная комнатушка, с узенькой складной кроватью и умывальником.

Все на месте, вплоть до остановившихся стенных часов и градусника. Впечатление такое, что только вчера обитатели дома покинули остров. В других комнатах, занесенных снегом, из-под ледяного футляра виднеются кухонные принадлежности, посуда и предметы обихода.

Насколько хорошо сохранился дом, настолько разорена и запущена палатка. Здесь 30 лет северных ветров и буранов, дикого мороза сделали свое разрушительное дело. Пачки нового полярного белья почти сгнили и от прикосновения трещат и лопаются. В большом количестве, в беспорядке валяются ошейники, хомута упряжных собак и рассыпанный чай, табак, спички, ручные чемоданчики с массой крахмальных воротничков и неизвестно для чего сюда завезенных шелковых сорочек.

Все лишнее, без чего мог обойтись человек, брошено, чтобы не загружать сани и себя в далеком пути к мысу Флора к спасательному кораблю, пришедшему на помощь.

Около стены главного дома аккуратно сложены ящики с консервами, «пеммиканом»—специальной едой для собак. Открываем несколько банок и пробуем: великолепно сохранились, приятны на вкус.

В ста шагах от жилья расположена магнитная будка, наполненная всевозможными научными приборами, правда, сильно заржавленными, но не пострадавшими и годными к употреблению. Тут же—три швейных машины, большой запас иголок, богатая аптека и несколько хорошо сохранившихся фото и киноаппаратов и пленки.

Чувствуется, что экспедиция была прекрасно снаряжена и оборудована всем необходимым, даже предметами роскоши. При таких условиях, удобствах и богатом запасе продуктов нетрудно было провести две зимовки.

Тщательно осматриваем все уголки с надеждой найти оставленные письма,—их нет. Или медведи, распоряжавшиеся ящиками и ковырявшие консервные банки, их уничтожили?

На пригорке устанавливаем мемориальную доску в память трех пропавших без вести итальянцев, с надписью: «Памяти Квестини, Стоккена и Оллера. Советская экспедиция. 1929 год».

Уже перед самым уходом на ледокол, матрос неожиданно нашел изодранный, вылинявший вымпел, на котором с трудом разбираем надпись: «Америка»—название судна, на котором прибыла экспедиция. Заботливо свертываем флаг, чтобы доставить его в музей Института по изучению севера. Много возни у меня было с доставкой тяжелой шкуры на борт ледокола. С помощью матроса я с трудом волочил ее через открытые, зияющие полыньи, по шершавому, нескользкому снегу.

В вылазке на берег участвовал оператор Новицкий, запечатлевший на кадрах останки давно забытой экспедиции.

В ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНЕ

Обратный путь к бухте Тихая неожиданно оказался чрезвычайно тяжелым. Весь Британский канал заполнили огромные айсберги. Вот уже три дня как ледокол с трудом пробирается вперед туда, где мы оставили наших дорогих друзей.

Три дня настойчиво борется «Седов» со льдами. Три дня его стальной таран дробит, крошит в куски огромные айсберги, гигантские ледяные глыбы. Но внезапная сдвижка толстых слоев льда не дает возможности пробраться к бухте Тихой. В Арктике погода меняется с капризной быстротой. Всего неделю назад, когда мы уходили от Земли Франца Иосифа, взяв направление на полюс, были хорошие, ясные дни. Ледокол легко скользил в ледяной пустыне, в толстом, но изобиловавшем широкими разводьями льду.

Сейчас же картина резко переменилась. Напрасно несравненный капитан Воронин, напрягая зрение, всматривается в покрытый серой дымкой тумана горизонт, тщетно пытаясь разглядеть столь желанные темные прорехи полыней. Их нет, кругом белый саван искрящегося миллионами солнечных брызг снега.

А земля уже как будто бы близко. Далеко за изломами торосов наметилась неясная, мигающая в разливе тумана черная полоса. Подойти к ней нет возможности. Освободившийся от груза ледокол уже не в состоянии с прежней легкостью продвигаться вперед. Толстые стены льда становятся ему непреодолимым препятствием.

К вечеру окончательно измотавшийся, не отдыхавший уже несколько суток капитан, потупив глаза, сумрачно заявил Шмидту:

— Отто Юльич, дальше итти нет сил. Бесполезно пускать в воздух последние остатки драгоценного угля. Лед не позволяет ледоколу подойти к колонии.

— Вы видите,—как бы оправдываясь, добавляет он,—мы делаем все возможное, а результата никакого.

Милый Владимир Иванович, ты мог бы этого и не добавлять. Мы видим, мы знаем, что команда работает сверх сил, что обжигаются в волнах огня черные от копоти кочегары, стараясь довести давление в топках до максимума. Мы прекрасно знаем, что вы уже забыли, что такое сон, и, наконец, мы видим расстроенное, посеревшее от досады лицо старшего механика, старика Шиповальникова, не вылезающего из машинного отделения и особенно близко принимающего это горе к сердцу.

Но что же делать?

Положим, колонисты уже высажены на берег, выгружены огромные трехгодичные запасы продовольствия, топлива, и дома уже закончены постройкой. Но радио еще не работает, а ведь, одной из основных целей нашего похода как раз и являлось сооружение радиостанции.

А 16 архангелогородских плотников, оставленных нами на берегу? Разве мы вправе бросить их на долгую зимовку, и, наконец, не является ли нашей прямой обязанностью принять все меры к доставлению их на борт «Седова»?

В кают-компании, где происходил этот разговор, делается жутко тихо.

Действительно, что делать?

Внезапно нервно разглаживавший бороду Шмидт выпрямляется, окидывает всех быстрым стальным взглядом своих серых глаз и четко бросает:

— Я начальник экспедиции, я не могу бросить доверенных мне людей на произвол судьбы, я не уйду от Земли Франца Иосифа до тех пор, пока сам не увижу, что радиостанция отстроена, что колонисты находятся в тепле. Я не дам сигнала к отходу до тех пор, пока не заберу с собой наших строителей. Поэтому сегодня вечером отправляюсь пешком к острову, и вместе со мной пойдут географ Иванов и Громов. Понятно? Надеюсь, товарищи не откажутся отправиться на этот рискованный путь?

Конечно, мы оба с радостью принимаем это почетное для нас предложение.

Убитого медведя на лебедке втаскивают на ледокол.

Трещина в ледяном поле, сделанная форсировавшимся ледоколом.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА

Но тут поднимается шум. Нас уговаривают отказаться от этой дерзкой затеи, заявляют, что, авось льды раздвинет, и мы сможем пробраться вперед, что дорога будет не из легких и т. д.

Но Отто Юльевич со всей решительностью возражает. К тому же абсолютно нет никаких оснований рассчитывать на перемену в ледяных условиях, ибо три дня упорного труда достаточно ясно показали, что полярная зима уже вступает в свои права. Единственно, чего мог добиться капитан, это того, чтобы мы взяли себе в спутники опытного матроса.

В 9 часов вечера вся экспедиция провожала нас на лед. Под напутственные пожелания мы спустились по узкому шторм-трапу вниз. С борта подали маленький брезентовый каюк (лодочку) на случай встречи с большими разводьями, легкие самоедские сани-нарты для его перевозки, два заплечных мешка с продовольствием, складную палатку и винтовку.

— Я думаю,—кричит нам сверху проф. Визе,—при благоприятных условиях через четыре часа вы уже будете на берегу.

Тронулись в путь, взяв направление на отчетливо видимый издали резкий излом красавицы скалы Рубини Рок. Сменяясь по-двое, тянем нагруженные продовольствием и лодочкой нарты.

Ровная вначале дорога, с крепким, упругим настом, который не давал ногам проваливаться в снег, неожиданно сменилась высокими, обрывистыми нагромождениями торосов. Вот только тут мы на своей шкуре почувствовали,что значит передвигаться в ледяной пустыне. Мокрые от пота, который обильно стекает с лица на теплые шерстяные фуфайки, с трудом волочим тяжелые сани, поминутно цепляющиеся за острые углы ледяных громад.

А тут еще, к несчастью, случилась первая авария: лопнули подпорки у саней, и сломалась одна из деревянных полозьев-лыж.

По правде сказать, у меня тут же явилась мысль плюнуть на сани и каюк и двинуться к земле без них. Но Отто Юльевич заявил решительный протест, указывая на зияющие впереди темные раны огромных полыней.

Тогда матросу пришлось показать свое мастерство. Быстро и ловко, специальными морскими узлами он кое-как закрепил поломанные части, и мы тронулись дальше.

Оглядываемся назад. Среди необозримого белоснежного покрывала чернеют уже начинающиеся скрываться в легкой дымке темные контуры ледокола и чья-то маленькая, едва видимая фигурка, следящая за нами в бинокль с высоты капитанского мостика.

У первого разводья, в несколько раз шире Москвы-реки, решаем разделиться на две партии, ибо утлый, неустойчивый каюк едва вмещает двоих, осаживаясь в воду до бортов. Уславливаемся, что Отто Юльевич и матрос попробуют перебраться на лодке, а Иванов и я — рискнем найти обход и встретимся с ними на другой стороне полыньи.

Прыгая по разрозненным льдинам, зачастую опускающимся под тяжестью ног, поминутно шлепаясь в студеную воду, пробираемся мы в ледяном хаосе, в беспорядочном нагромождении гигантских льдин и темно-синих глянцевых айсбергов.

Вначале казались страшными эти рискованные пируэты в воздухе, когда нам приходилось перемахивать с одной льдины на другую, а, главное, заранее знаешь, что эта новая льдинка настолько мала, что обязательно уйдет в воду и ты вместе с ней. Но потом делали это быстро и решительно, не давая ей возможности сильно уходить вниз, и под конец «обнаглели» до того, что ухитрились переплывать широкие полыньи на крошечных ледяных осколках. Залезаем на такой островок, оттолкнемся палками от большой льдины и плывем к другой, более надежной. Этот способ навигации весьма удобный, хотя и рискованный, ибо в любой момент льдина грозит перевернуться — и тогда холодная полярная ванна.

На другом берегу разводья встретились со второй группой. Оказывается, они с трудом переправились через полынью, ибо поднявшийся сильный ветер все время гнал легкий каюк в обратном направлении.

Снова шагаем в торосах. Снова тащим тяжелые, намокшие сани и шлюпку.

Вот уже десятый час, как мы честно вышагиваем, а к берегу, кажется, и не приближаемся, чувствуя, что все наши усилия быстро дрейфующий (движущийся) лед сводит к нулю, неуклонно отбрасывая на восток.

Вы представляете себе наш ужас, когда мы поняли, что все наши старания ни к чему. Усталые, измученные, мы идем вперед, а лед тащит нас в сторону, мимо узенькой полоски земли, которую так хотим, к которой так стремимся.

Вот когда мне вспомнились рассказы полярного исследователя Альбанова, пешком добиравшегося с затертого льдами корабля к земле Франца Иосифа. Альбанов писал: «Сегодня у нас счастливый день. За сутки нам удалось пройти пять километров».

Теперь мне это совсем не кажется странным. Пять километров по ледяным отвесным торосам, в обход больших полыней, с бесчисленными поворотами в поисках подходящего пути, с частыми возвращениями назад—вытягиваются в длинную многозначную цифру, пропитанную тяжелым потом, адским трудом и усилиями.

Нестерпимо хочется пить. Горло делается сухим, ненасытным. Сколько ни грызешь блестящие кристаллы льда, жажда не унимается.

Утро — собственно, этот термин в Арктике не совсем правилен, ибо всю ночь светило яркое солнце, — застало нас все еще на полпути. Итти вперед — нет сил. Необходимо хоть полчаса, но отдохнуть.

Останавливаемся, быстро раскидываем тонкую парусину удобной вместительной палатки Шмидта и с наслаждением уплетаем застывшие консервы.

Но неугомонный Шмидт уже торопит:

— Скорее в дорогу, до земли еще далеко.

Я поражаюсь его исключительной энергии и выносливости. С легкостью и мастерством хорошего альпиниста карабкается он по крутым обрывам торосов, прекрасно ориентируется и всегда правильно указывает на более хороший и удобный путь. А самое ценное — не унывает. В моменты, когда мы падаем от усталости, он находит в себе еще остатки юмора, чтобы ловко и незаметно подбодрить, дать настроение. Только здесь, в исключительно тяжелых условиях суровой Арктики, мы достойно сумели оценить это прекрасное качество.

Твердый наст, по паркету которого было так легко скользить, уже давно кончился. Ноги утопают в рыхлой крупе снега. Арктика заставляет нас быть акробатами. Приходится делать самые смелые прыжки, карабкаться по торосам и все время тянуть, тянуть тяжелые, окончательно доломавшиеся сани. Ноги отказываются повиноваться. Намокшая фуфайка прилипла к телу. Глаза слипаются, на плече красный рубец, намятый веревкой от саней. Мучительно долго тянется время, а берег, кажется, совсем не становится ближе.

Подходим к сплошному разводью. По очереди переправляемся на какую-нибудь льдину, оттуда — на другую и т. д. Но самое ужасное это то что, пока перевезут одного, пока лодка возвращается обратно, вся остальная группа оказывается уже далеко в стороне. А когда подбирают последнего из нас, то за ним приходится ехать уже добрую пару километров.

Медлить нельзя. Из последних сил пробираемся к земле, ибо чувствуем, что ветер приложил все старания вынести лед, а вместе с ним и нас в открытый океан.

Перспектива оказаться в положении группы Нобиле с двухдневным запасом продуктов и одной обоймой патрон, никого не устраивает.

Первым, как это ни странно, сдает матрос Иванов. Его руки окончательно отказались повиноваться. Пришлось нам взяться за единственное, уже поломанное весло и «галанить», т. е. работать им вперекидку, из стороны в сторону. Правда, это у нас выходит не так ловко, как у ма-

троса, но все же достаточно хорошо, чтобы медленно, но продвигаться к берегу.

И вот, когда мы уже были на расстоянии одного километра от земли, от серых, мрачных скал, на которые смотрели с какой-то жестокой жадностью, на наши усталые головы свалились сразу два несчастья: во-первых, легкая брезентовая шлюпка получила пробоину и, во-вторых, поднялись большие волны.

Судорожно гребем к острову Мертвый Тюлень. Волны перехлестывают через борт. Маленькой кружкой откачиваем воду, замечая, что ее, отнюдь не становится меньше. Неустойчивый каюк бросает, как щепку, относит течением в сторону, поминутно угрожая опрокинуть. Лавируя меж движущимися гигантами-айсбергами, с огромным трудом добираемся до каменистой отмели островка.

Я решаю ожидать товарищей, а географ Иванов отправляется за остальными. Вылезаю на пригорок, с отчаянием топчусь застывшими ногами и слежу за изломами торосов, которые скрыли моих спутников.

Сижу час, другой, третий — их все нет. В голову лезут самые невероятные, самые злые предположения. Неужели они не успели пробраться к земле, и их вынесло в открытый океан? Что же тогда будет? Ведь, искать хотя бы на ледоколе, в необозримой ледяной пустыне, в нагромождении гигантских торосов — дело безнадежное. И самое ужасное то, что они сидят без винтовки, которая находится со мной, а я — без куска хлеба. Что делать? Пытаться итти к колонии или еще подождать?

Решаюсь на последнее. Полдня я просидел в строгой изоляции, совершенно застыв на диком ветру. Полдня, как сумасшедший носился по острову в надежде заметить их хоть с какой-нибудь стороны. И лишь к ночи мне удалось их обнаружить на соседнем острове Скотт Кельти. Три выстрела в воздух заставили их обратить внимание в мою сторону. Мне ответили сигнализацией, и вскоре, перевезенные на шлюпке, я радостно приветствовал моих пропавших друзей.

— Ну, — говорит Отто Юльевич, — как нам удалось добраться до берега, — это чудо. Льдами нас унесло далеко в сторону, и с большим трудом, перескакивая через полыньи, нам удалось зацепиться за последний мыс островка. Еще десять минут, и мы попали бы в открытый океан.

Двадцать восемь часов беспрерывной ходьбы нас окончательно доломали. Решаем дальше не итти, ибо это было бы все равно бесполезно. В колонию пройти нельзя, так как бухта, отделяющая нас от другого берега, покрылась тонким слоем нового льда, по которому нам не пройти, а брезентовой лодочке его не проломить.

Уже в сумерках, в густом тумане и начавшемся снежном буране, раскинули палатку, с радостью залезли внутрь, чтоб прогреть застывшее тело глотком чистого спирта и моментально заснуть непробудным сном окончательно обессилевшего человека.

Вдруг, сквозь сон и завывания ветра, отчетливо послышался где-то совсем рядом протяжный, стонущий хрип знакомого гудка. Обалделые вскочили на ноги и, не веря ушам, бросились к мысу.

Ничего не видно: густой туман и вьюга уничтожили горизонт.

Снова сигналы, — ясно, нас ищут. Неужели не увидят, пройдут мимо? Случайно глаз ловит корабельные мачты. Гулкие выстрелы, с силой брошенные скалами в море, заставили «Седова» остановиться и выслать шлюпку.

Как приятно сидеть за стаканом горячего чая, чувствовать себя в безопасности, в тепле, пожимать руки друзей, слушать о том, как они тревожились, потеряв нас из виду, а пробравшись к колонии и узнав, что мы еще не приходили, так и решили, что нас унесло в открытый океан. Вся команда ходила подавленная. Капитан был чернее тучи.

— Поздравляю, — сурово бросил он нам, — вы были на пороге смерти.

СЛУШАЙТЕ ВСЕ, ВЕСЬ МИР...

30 августа войдет в историю завоевания Арктики как выдающийся день, день победы человека, вооруженного снарядами науки над суровой природой крайнего севера. В три часа дня торжественно открылась самая северная в мире колония, новая советская радиостанция и метеорологический форпост.

На далекой окраине необ'ятного Союза взвился алый флаг Республики Советов.

Ночь накануне открытия станции мы провели в новеньком чистеньком, прекрасно отделанном домике. Полы блестят чистотой. На окнах уже повешены свежие занавеси. Зимовщики распаковывают свои личные вещи, раскладывая предметы обихода по своим местам. На новеньких стенах комнатушек уже появились первые фотографии.

— Пожалуйте, товарищи, — гостеприимно предлагает радист Кренкель, — сейчас будем пробовать радио.

Механик Муров резким движением закрутил колесо двигателя. Запитая в железный каркас комната машинного отделения наполнилась размеренным четким дыханием сердца радиостанции. Отсюда по артериям проводов брызнула кровь электричества в соседнюю комнату — мозг станции.

Преломляясь, перерабатываясь в сложных приборах, усилителях, искра долетела до телеграфного ключа и, вырвавшись на морозный воздух, проскользнув по длинной стреле антенны, с бешеной скоростью полетела куда-то в туманную даль, понукаемая твердой рукой радиста.

— Слушайте все, весь мир!.. Говорит новая советская радиостанция на Земле Франца Иосифа. Завтра открывается самая северная полярная колония.

Несмотря на поздний час никто не спит. Столпившись, затаив дыхание, мы напряженно присматриваемся к хмурому лицу Кренкеля, стараясь, хотя и напрасно, разгадать неясные звуки, доносящиеся из плотно прижатых наушников.

— Поймал, — возбужденно кричит он, — любитель Евсеев из Нижнего Новгорода дает свои позывные.

— Ура! Радиостанция заработала!

Немедленно в журнал вносится первая запись приема сигнала. Весело грянул бравурный марш — местный персимфанс — граммофон, а в ответ яростно рявкнул хор остроносых умных самоедских лаек.

На утро приехали гости с ледокола — Шмидт, Визе, Самойлович, капитан Воронин, принарядившиеся ради торжественного случая матросы, коренастые архангельские строители, чьи руки создали возможность существования и необходимый уют семерым гражданам республики.

Последнее торжественное собрание, много теплых, искренних слов, приветствий, пожеланий друзьям, остающимся на долгое одиночество вдали от семьи, и последнее прости.

Крепко жмем руки, желаем самого главного — здоровья. О работе никто не говорит, не нужно, стоит лишь посмотреть на лица, горящие твердой решимостью выполнить свой долг перед страной, чтобы быть уверенным и убежденным, что республика не просчиталась, послав их на самую тяжелую, ответственную работу.

Празднично убранный «Седов» гудками напоминает о необходимости выходить в море.

Тихо, словно нехотя, проходим вдоль берега, мимо новых строений, развевающегося красного флага, мимо маленького кусочка земли, который вдруг стал таким дорогим и близким. С берега несется «ура», мы отвечаем залпами винтовок и протяжными, щемящими сердце гудками.

— Вот он, — задумчиво произносит Шмидт, — новый камень в фундамент строющегося социализма.

Медленно, в сизой дымке тумана, уплывают семь крохотных, машущих белыми платками фигурок, темные стены домов, наконец, отлогий, издали гладкий мыс бухты Тихая.

Мы снова в Британском канале — широком, плохо насыженном тракте на юг, по дороге к теплу, далеким берегам Республики Советов.

Бухта Тихая. На первом плане строящаяся радиостанция.

Торосистая льдина у мыса «Седова», в бухте Тихой (остров Гукера).

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

С огромным трудом и напряжением всей команды пробиваемся на юг. Облегчившийся от груза «Седов» уже не может с прежней легкостью проламывать себе путь. К тому же сейчас во всем районе нахождения экспедиции произошла сдвижка огромных старых ледяных полей, толщиной более 3 метров.

Двигаемся чрезвычайно медленно, поминутно застреваем, простаиваем часами, чтобы силой машин вырваться от прижавших нас айсбергов. В тумане скрылась Земля Франца Иосифа, а за двое суток прошли едва 47 миль — расстояние ничтожное, по сравнению с обычной скоростью ледокола во льдах.

Сегодня мы получили радиограмму с научного судна «Персея», который сообщает, что кромка льда находится от нас в 40 милях.

Видимо, это расстояние нам придется брать с боя. Случается, что за целую вахту (дежурство команды) ледокол не продвинется ни на шаг, а впереди не видно просвета, до самого горизонта белый саван ледяной пустыни, решившийся не выпускать нас из своих цепких об'ятий. То-и-дело окончательно ставший ледокол отходит назад, чтобы с наскоку протаранить себе путь.

Сегодня стали окончательно. Капитан, экономя драгоценный уголь и чувствуя бесполезность попыток прорваться вперед, распорядился грузить трюмы льдом. Вся команда работает на совесть, пешнями (что-то вроде лома) откалывает огромные ледяные куски, лебедкой подавая их наверх.

В таких тяжелых условиях ледокол не был ни разу за всю экспедицию.

Тронулись вперед. Но несмотря на то, что трюм нагружен льдом, скорость от этого едва увеличилась. Далеко, на светлом небосклоне появилась широкая темно-синяя лента — признак близости свободной воды. Как ни труден

путь, но этот факт бодрит участников экспедиции, предполагающих увидеть кромку льда через 15 миль.

Опять появились медведи, опять началась азартная охота на белого зверя, не понимающего опасности и подходящего к самому борту ледокола. Последний раз вдогонку за раненым медведем побежали Шмидт и я. Мы далеко ушли от судна, которое совсем скрылось за отвесными торосами, и оказались в полосе молодого льда. В результате Шмидт попал в полынью, окунулся в студеную воду и едва выплыл на обламывающиеся края льдин. Медведя мы так и не догнали. Повидимому, он сумел спрятаться за большими торосами.

4 сентября, в ясное солнечное утро, мы достигли долгожданной кромки льда. Вначале ворчливый океан встретил нас мертвой зыбью. Но уже к полудню волны утихли, и наступил штиль.

Идем широкими площадями разводьев, в темно-синей воде, в которой купаются огромные причудливые айсберги. Несколько раз попадаем в полосы сала — нового льда, имеющего формы неправильных расплывчатых кругов. Моряки называют это очень метко «блинчатым льдом».

К вечеру нагрянул туман и сырая промозглая погода. Густая серая мгла закрыла горизонт. Поэтому неудивительно, что лишь на расстоянии двухсот метров от борта ледокола неожиданно увидели силуэт неизвестного судна. Вслед за ним из тумана выплыли еще два парохода и парусная яхточка.

Оказалось, что это норвежские зверобои, промышляющие в наших водах. С внешней стороны — пароходишки весьма плачевного вида, маленькие, деревянные, сильно обтрепанные и облезлые. Наш красавец «Седов» перед ними казался гигантом. Недаром норвежские зверопромышленники называют наши ледоколы ледяными крейсерами.

Палубы их судов завалены медвежьими, моржовыми и тюленьими шкурами, а также необработанными тушами. Теперь нам ясно, почему в этом районе наш ледокол так мало встречал зверья. Видимо, энергичные норвежцы суме-

ли порядком перебить животных в наших водах. Не следовало ли бы в целях сохранения медведей и уже почти истребленных моржей установить более жесткие правила охоты в полярном секторе СССР?

Самое любопытное то, что эта замечательная встреча во льдах произошла при абсолютном молчании обеих сторон. Мы как хозяева вод вправе были ждать приветствия, но зато, повидимому, «галантные» иностранцы забыли морские правила вежливости. Поэтому «Седов» гордо, без единого сигнала прошел мимо судов и скрылся в тумане.

«СЕДОВ» РАНЕН

Тяжелая, упорная борьба с гигантскими ледяными полями, из которой «Седов» вышел победителем, не прошла для него безболезненно.

Наш ледокол ранен глубоко и серьезно. При столкновении со льдинами оказались сорванными несколько клепок, в результате чего сегодня внезапно трюм начал быстро наполняться водой.

Визгливо затрещал звонок. Был дан авральный сигнал, по которому все участники экспедиции бросились откачивать воду и переносить уголь в другие трюмы. На дне ледокола слой воды более одного метра. Матросы спешно залечивали раны. Плотники цементировали борта, накладывая деревянные пластыри. Но, как потом оказалось, вся эта кропотливая работа пошла на смарку, пробоины не удалось заделать, ибо вода с исключительной энергией размыла цемент и не дала ему затвердеть.

К вечеру обнаружили второе несчастье. Огромный винт ледокола, вероятно, при ударах об айсберги, потерял одну лопасть и получил трещину в другой. Теперь уж «Седов» не в состоянии итти полным ходом, без риска расшатать вал и втулку. В прошлом году аналогичный случай был с «Красиным». Тогда ему пришлось срочно добираться в док для починки. Это сейчас нужно и «Седову». Он славно прошел свой путь, прекрасно боролся со льдами и теперь впра-

ве требовать вполне заслуженного капитального ремонта.

Медленным ходом идем в открытое море. Погода ветряная, с мелким осенним дождем, но теплая, а еще три дня назад был десятиградусный мороз. «Седов» стал серебряным. Все снасти и реи покрылись толстым вычурным инеем, придавшим ледоколу сказочный вид.

Нам пришлось наблюдать исключительную по красоте картину. Под ударами волн мертвой зыби, огромные ледяные поля превратились в мелко битый лед — в ледяной гравий, так называемую «шугу». Под управлением невидимого дирижера, лед танцует причудливый, строго ритмичный, замечательно эффектный танец. Огромное ледяное месиво кипит, варится в гигантском котле. Блестящая дорога яркого солнца скользит по клокочущему вулкану, до боли в глазах отражаясь в миллионах снежных кристаллов.

Таким образом, за эту великолепную экспедицию мы имели возможность проследить весь процесс образования льдов от фабрики айсбергов-глетчеров, до раздробленного, смятого в мельчайшие куски ледяного песка-шуги.

7 сентября на рассвете «Седов» достиг северной оконечности Новой Земли — мыса Желание.

Мы идем вдоль бесконечной ленты гор, изрезанных мелкими заливами, сияющими глетчерами. Впервые нам удалось наблюдать великолепное зрелище — миражи, т. е. отражение темных шапок гор в облаках, которые получаются от преломления лучей в воздухе, в слоях различной плотности.

Новая Земля — этот огромный остров — делится на два острова, имеющие в длину более тысячи километров. Когда-то они усиленно посещались русскими зверобоями, промышлявшими охотой на моржей и поныне водящихся там диких оленей. Еще до сих пор на берегах находят следы их пребывания и остатки становищ в виде деревянных крестов, которые ставили в ознаменование зимовки. По сие время находят кресты, относящиеся к XVII—XVIII вв.

Впоследствии промысел пал. И теперь северная часть острова совершенно необитаема. На всей земле едва насчи-

тывается 200 жителей. Впервые около ста лет назад остров занес на карту известный русский исследователь, капитан Литке, после него в 1913 г., вдоль берега до мыса Желание прошел пешком Георгий Седов. В этой экспедиции участвовал и проф. Визе, зимовавший на Панкратьевском полуострове — месте, которое наш ледокол сегодня прошел. С 1921 по 1927 г. пять раз на Новой Земле бывал Самойлович, производивший геологические изыскания. С тремя спутниками он совершил путешествие на небольшом моторном боте, открыв на северной части земли три новых залива, которые назвал именами известных русских полярников — Седова, Русанова и Неупокоева.

Спешим на юг. Полным ходом, покачиваясь на гребнях волн, идем вдоль берегов Новой Земли. 9 сентября прошли Крестовую губу — самое северное поселение, состоящее из нескольких семейств самоедов и русских зверобоев, которые промышляют охотой на огромных белух из породы дельфинов, на тюленя и ловлей особой рыбы — гольца, разновидность семги.

На ледоколе предпраздничная суета. Сильные струи шлангов хлещут по натираемой до блеска жесткими щетками палубе. Заканчивается сортировка и упаковка массы добытого научного материала. Обросшие за время рейса матросы старательно бреются.

Ледокол далеко еще от конечной цели, но Архангельск чувствуется во всем — темах разговоров, настроениях.

Сегодня команда, так прекрасно справившаяся с чрезвычайно тяжелой работой, с честью выполнила свой долг перед республикой. После собрания и доклада Шмидта, 35 человек подписались на третий заем индустриализации на сумму 3 600 руб., во много раз превысив подписку своих конкурентов по социалистическому соревнованию, матросов с кораблей «Малыгина» и «Русанова».

Первый раз после долгого отсутствия мы увидели ночь. Как-то даже странно, — совсем отвыкли мы от темноты. Океан волнуется. Широкие валы фосфоресцирующих загадочным блеском светло-зеленых изумрудов медленно пе-

рекатываются, качая ледокол, сильно швыряя его с кормы.

Распрощались с Ледовитым океаном, который нам доставил так много красивых и вместе с тем тяжелых дней. Темной, безлунной ночью пробираемся в узком горле Белого моря. Черное покрывало ночи разрывают мерцающие брызги ярких маяков.

Скоро конец экспедиции. Скоро будем дома. Мимо нас уже проходят иностранные и русские лесовозы. С пароходов нам машут платками, приветствуют протяжными сигналами. Мы отвечаем им тем же.

У красного пловучего маяка на ледокол с'езжает лоцман. Узнаем первые новости, и после девятинедельного плавания видим первую газету.

Вот и Архангельск, блещущий новенькими домишками и длинными корпусами больших фабрик.

«Ура» несется с пристани.. Огромная толпа народа встречает возвращение «Седова» к родным берегам. «Ура» раздается в ответ с нашего борта. На пристань, брошенный ловкой рукой, летит канат. Мы сходим на берег. Цепкие сильные руки подхватывают капитана и он, беспомощно размахивая руками, барахтается в воздухе.

Экспедиция закончилась.

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА им. И. А. Добролюбова

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
К земле Франца Иосифа	5
«Седов» готовится в путешествие	8
Собаки выбирают вожака	10
Семь смельчаков	14
«Седов» вышел в Белое море	16
Первый шторм	18
В ледяной крепости	20
Земля, земля...	22
Флаг советов на севере	23
Международная гостиница—мыс Флора	26
Охота на моржа	31
Бухта тихая	35
«Седов» брошен на мель	38
Арктическое лето	46
Разгрузка окончена	48
По дороге к полюсу	52
Медведи	55
Мировой рекорд	57
Мыс Городок	61
Земля Рудольфа	63
В ледяной пустыне	67
Слушайте все, весь мир...	77
Обратный путь	81
«Седов» ранен	83

Архангельская Областная БИБЛИОТЕКА

„БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ“

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЫХОДЯТ В СВЕТ:

Гарри—По следам Амундсена

Розенфельд—Клад пустыни Кара-Кум

Шпанов Н.—Подвиг во льдах

„БИБЛИОТЕКА ЭКСПЕДИЦИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ“ (БЭП)

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Рихтер Зинаида—В стране голубых озер (очерк Алтая) 153 стр. Ц. 1 р. 35 к.

Скосырев П.—В стране белого золота. 168 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Арсеньев В. К.—Сквозь тайгу, 196 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Конторович В. (Викторов В.)—С Карской экспедицией по Северному морскому пути, 208 стр. Ц. 1 р. 45 к.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

в изд-во „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

МОСКВА, Центр, Новая площадь, 6 и его отделениям на местах.

60 коп.